

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ТЫ ОБЕЩАЛА
НЕ УБЕГАТЬ
АЛИСА ГОРДЕЕВА

Любовь вопреки

Алиса Гордеева

Ты обещала не убегать

«Автор»

2021

Гордеева А.

Ты обещала не убегать / А. Гордеева — «Автор»,
2021 — (Любовь вопреки)

«Мы!» – невозможны. «Мы» – слишком шаткое понятие. Мы изначально рождены врагами. Он сам отказался от меня. Я в очередной раз убежала от него. Но сможем ли мы жить вдали друг от друга? Хватит ли нам сил бороться за свою любовь, если в этом мире все против нас? Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Отчаяние	5
2. Выбирай	9
3. Монстр	12
4. Не допустит	15
5. Три минуты	19
6. Не моя. Тимур	22
7. Решение. Тимур	26
8. Побег	29
9. Встреча. Тимур	33
10. Искать	36
11. Не обернусь. Тимур	42
12. Виноват. Лерой	46
13. Потерял. Лерой	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алиса Гордеева

Ты обещала не убегать

1. Отчаяние

Тимур.

Я падал... Как чертова Алиса, свалившаяся в кроличью нору, я летел с бешеной скоростью вниз и не мог остановиться. Изредка на что-то натыкаясь, я чувствовал боль во всем теле, но даже это не помогало. Я иду на дно.

На душе было темно и пусто. Черт, какое мерзкое и пакостное это чувство отупения и онемения! Вроде, пытаешься напрячь мозг, понимая, что должен заставить себя думать, но ничего не вышло: мысли не связывались воедино и, как тараканы, противно перебирающие лапками, разбегались в разные стороны. Я чувствовал, что упускаю что-то крайне важное, но хоть убей, не мог вспомнить, что именно.

Всё тело ломило, и тупая ноющая боль намекала на то, что я все еще жив. Однако абсолютное бессилие и невозможность пошевелиться заставляли усомниться в этом.

Я потерял ощущение времени и пространства и нуждался в маячке. Мне было необходимо зацепиться мыслями хотя бы за что-то, что вернуло бы меня в этот мир.

Запах... Нежный и почти невесомый аромат ее волос. Я цеплялся за него, как за соломинку. Еще немного... Но он постоянно ускользал от меня. Я через силу заставлял себя его удерживать, до боли напрягая пальцы рук.

Ладонями я ощущал что-то мягкое и шелковистое. Крепче... Еще... Я прижимался к ней щекой и не мог надыхаться. Я чувствовал, что возвращаюсь.

Сквозь шлейф пустоты смог различить ее голос. Ощущал её присутствие. Знал, что она – мой маяк, который не даст мне исчезнуть. Она ведь обещала не убегать.

Волна сумасшедшего напряжения сменилась абсолютным покоем. Мне было так хорошо! Я вытянул руку, касаясь ее теплой нежной кожи, и погрузился в сон. Мы были вместе, и остальное не имело значения!

Сны, абстрактные и бессмысленные, сменяли друг друга, совершенно не оставляя в памяти ни следа. Пришло время просыпаться! Однако дурное предчувствие вновь пожирало меня изнутри: я понимал, что упускаю из виду что-то очень важное, что-то, что может сломать меня!

От дневного света я почувствовал резь в глазах. Обстановка была знакомой. Я лежал дома, в своей кровати, сжимая руками подушку – ее подушку, ощущая тот аромат, что вернул меня в реальность.

Из ванной доносится шум воды. «Она здесь!» – мелькнула мысль, но тут же в голове возникли жуткие воспоминания: аукцион, Горский, Ксюша... и темнота.

Вскочив с кровати, бросился в ванную. Как я оказался дома? Как Ксюша оказалась у меня? Что с ней сотворил Горский?

Острая боль пронзила ступню, как только я добежал до двери. «Это еще что?!» – удивился я, поднимая с пола связку ключей. Моих ключей, которые я отдал Ксюше перед аукционом, чтобы она могла при любых обстоятельствах вернуться. Значит, все хорошо! Она вернулась ко мне! Но как это возможно? В памяти всплыли слова Горского, его хладнокровие и безразличие к собственной дочери. «Сука! Если только она пострадала по его вине!» – с яростью подумал я.

Зажав ключи в кулаке, практически вломился в ванную комнату.

– Ты еще кто такая? – Я не мог понять ни хрена: в моей квартире в душе мылась совершенно незнакомая мне блондинка.

Она переступила порог душевой кабинки и с укором взглянула на меня.

– Ой, вот только не надо сейчас заливать мне, что ты ничего не помнишь! – проговорила она противным писклявым голоском.

Но я, блядь, действительно ничего не помнил! Провалами в памяти до того дня я никогда не страдал!

– Где Ксюша?

– Какая еще Ксюша?! Ты совсем больной?! – заворачиваясь в мое полотенце, возмущенно воскликнула блондинка. – Если ищешь предлог от меня избавиться, не трудись: я сама рада от тебя уйти, придурок!

Она оттолкнула меня и прошмыгнула в спальню. Я на автомате последовал за ней. Девица нервозно собирала разбросанные по всей комнате вещи и напяливала их на себя. Я непонимающе взирал на происходящее.

– Где Ксюша? – как в бреду, повторил я вопрос.

– Да пошел ты! – Она натянула на себя джинсы и топ, а я заметил, что и мои вещи все раскиданы по комнате.

– Ты от Горского? Верно? – У меня в голове никак не складывался пазл.

– Ты больной извращенец! Пить меньше надо, понял? – Вновь оттолкнув меня, девица выбежала в гостиную, затем в коридор.

Уже через минуту щелкнула входная дверь, и я остался один. В тишине. В вакууме своих непутевых мыслей. С силой сжав кулаки, чтобы собраться с мыслями, я вспомнил о ключах, все еще лежавших у меня в ладони. Ее ключи. Она была здесь? Пробежался взглядом по комнате: все так, как и оставалось накануне, разве что мои вещи были раскиданы и я не видел Ксюшиного рюкзака. Она была здесь! Ключи со стуком упали на пол, а следом за ними приземлился и я. Горский! Сука! Он все рассчитал! Она не вставала! Он ее не продавал! Он тупо вырубил меня и подкинул эту девку, чтобы Ксюша, вернувшись домой, увидела меня с ней.

Я вскочил как заведенный и принялся искать свой мобильный. «Я все ей объясню. Она поверит», – уговаривал я себя. Но мой вызов моментально скидывался. Второй... Третий... То же самое. Четвертый... Черт, телефон отключился!

Я набрал номер Миронова: Ксюша должна была поехать к нему, как я ее учил. Тот ответил сразу, но по его голосу я понял, что он не в курсе. Ксения к нему не приходила. «Тогда где она?» – билась в голове мысль.

Уже через полчаса я оглушил соседей непрерывным звонком в дверь старой квартиры на пятом этаже, но ответом послужила тишина. Я молотил кулаком в дверь, орал, звал Ксюшу, но всё было бесполезно. «Где, если не здесь?» – лихорадочно рассуждал я.

Соболев был в отъезде, к Миронову не приходила, в квартире никого не было... Оставался лишь Потапов. Он всегда все знал о ней, особенно, если Ксюше требовалась жилетка для слез. При мысли о том, что она сейчас накручивает себя по полной и страдает, прижимаясь к этому Винни-Пуху, внутри все сжималось в тугую узел.

– Горский, убью!

Где живет Потапов, я знал давно. Вот только и его дома не оказалось.

На улице уже совсем стемнело. Телефон Ксюши все так же был отключен, а я даже не мог сказать с уверенностью, цела ли моя девочка, не говоря уж о том, что она видела в моей квартире.

«Кофеин», – мелькнула в голове мысль. Моя последняя надежда. Но табличка на двери кофейни гласила: «Закрето».

Я сел в такси, не имея ни малейшего понятия о том, что теперь делать... .

– Куда дальше? – Голос таксиста звучал устало. Еще бы, ведь он весь вечер таскался со мной по всему городу. Моя тачка все еще стояла на подземной парковке «Берлинго», но мне было не до этого.

– Пока не знаю. Дай мне пять минут, – ответил я, упираясь лбом в холодное окно.

– Парень, ты пока решаешь, я до супермаркета добегу, воды куплю. Лады?

Я кивнул в ответ. Мне нужно было собраться, а потому я не возражал против того, чтобы остаться наедине со своими мыслями.

Супермаркет находился через два дома от нашей стоянки. У меня в запасе оставалось минут десять-пятнадцать. Вот только никакие идеи не приходили в голову. Около нашей машины остановилось еще одно такси. Не менее уставший, судя по выражению лица, таксист навалился на руль и, закрыв глаза, ждал. В моей голове молнией пронеслась мысль, что кто-то должен выйти из кофейни. Но кто, если она закрыта? Я терял связь, а зря! Пока я вновь сидел, глядя в пустоту, из «Кофеина» вышли двое и сели в такси. Успел поймать только отголосок образа моей девочки. Это она! Она только что села в это гребаное такси! Выскочив из машины, бросился в ее сторону, но не успел. Машина сорвалась с места, и увозя Ксюшу, мою Ксюшу, в глубь ночного города! А мне лишь оставалось смотреть ей вслед. Когда таксист вернулся с бутылкой минералки, найти и догнать мою девочку стало невыполнимой задачей. Спинай откидываюсь на кресло и прошу отвезти меня домой. Она жива! С ней все хорошо! Остальное я решу завтра!

Вот только следующий день не принёс мне покоя. Звонил ей с самого утра, но телефон все так же был отключен. Не выдержав, я вновь позвонил Миронову.

– Ты зачастил со звонками. Не хочешь объяснить, в чем дело? – Если накануне он говорил бодро, то сегодня его голос звучал устало.

– Я не могу ее найти. Второй день. Я должен ей многое объяснить. Ей больно из-за меня. – Я знал, что Миронов будет только рад, если мы с Ксюшей разбежимся, но сейчас все потеряло здравый смысл.

– Знаю, – сухо проговорил тот. – Она в «Шалыпине», адрес ты и без меня знаешь.

Все. Больше ни слова. Он просто отключился. А я, не теряя ни секунды, рванул к ней.

– Территория закрытая, – проворчал очередной таксист, на сей раз молодой паренек. – Нужен пропуск или приглашение от жильцов. Есть что-нибудь?

– Нет. Остановись у въезда, дальше я пойду сам.

В это утро выходного дня серое небо на удивление еще не успело разрядиться очередным дождем. На улицах никого не было. Это была пугающая пустота. Лишь изредка встречались сонные жители, выгуливавшие своих собак, но и их образы больше походили на тени. До дома Ксюши оставалось пройти всего пару кварталов, но их я так и не прошёл.

Не знаю, что прежде привлекло мое внимание – огромный белый внедорожник или ее образ вместе с Мироновым вдалеке. Но сердце моментально остановилось, а я забыл, как дышать. Можно назвать это интуицией или шестым чувством, но дикий вопль вырвался у меня сам по себе:

– Миронов!

Остальное было как в тумане: хлопок, визг шин, два тела на дороге и резко начавшийся дождь. Забывая себя, бросился к ним. Поздно! Огромная лужа крови, разбавленная каплями дождя, растекалась по асфальту. Я склонился к ним, пытаюсь оценить масштаб трагедии. Оба дышали, но плохо! Вокруг не было ни души.

Не попадая по нужным цифрам, стал вызывать «скорую». Получается. Адрес? Какой здесь, черт возьми, адрес?! Судорожно искал глазами указатель, но его не было. Кафе, рядом кафе... «Что делать? – в панике размышлял я. – Ждать? Не трогать? Господи, да как же так?!»

Дрожащей рукой прикоснулся к лицу Ксюши, убрал прилипшие пряди волос.

– Пожалуйста, только живи! Не покидай меня! Девочка моя! Пожалуйста! – сквозь слезы шептал я, поглаживая ее по голове. Я плакал второй раз в жизни. Первый – когда умерла Кира.

Смотрел на измученное лицо Ксюши, и у меня все внутри переворачивалось. За что?! Ее рука, перепачканная кровью, лежала на щеке Миронова. Я не мог понять, кто из них пострадал сильнее и есть ли у них шанс.

Вой сирены, врачи, носилки... «Оба живы, это главное!» – с облегчением подумал я. Поехал с ними, но дальше приемного покоя меня не пустили: я для нее никто. Попросили сообщить родным. Блядь, знали бы они, что я и Миронов – единственные родные для нее люди в этом мире!

Но искать номер Горского мне не пришлось: уже через час черная армия его телохранителей оккупировала всю больницу.

– Как бы сильно я ни презирал весь твой род, сегодня я благодарен тебе за то, что ты спас мою дочь! – произнёс Горский. Это казалось невозможным! Он выглядел уязвимым и напуганным. Разве еще день назад ему было не все равно? – Но сейчас ты исчезнешь! Навсегда! Это по твоей вине она здесь! Из-за тебя Федор ее нашел!

Меня, как какого-то щенка, схватили и поволокли на улицу.

– Я должен знать, что с ней все хорошо! – вырываясь из тисков бультерьеров Горского, заорал я.

– С ней все будет хорошо, если ты исчезнешь из ее жизни!

2. Выбирай

– Ксю, выбирай!

Реми протянул мне два пластиковых контейнера, в одном из которых ровными рядочками лежали маленькие пузатые булочки.

– Это профитроли с уткой и грибами, – пояснил он.

– Звучит заманчиво, – облизнувшись, улыбнулась другу. Даже от одного их вида у меня потекли слюнки.

Конец октября в Париже выдался на удивление теплым и солнечным. Чем-то это время было похоже на наше бабье лето. Мы сидели в парке за моим домом и пили кофе, когда Реми захотел меня удивить и угостить своими кулинарными творениями.

– А во втором что? – Сделав глоток ванильного «латте», я указала на другой контейнер.

– Это лимонные меренги с миндальным кремом. М-м-м, ты только попробуй! – не без гордости ответил Реми, протягивая мне оба лакомства.

– Если они лимонные, то почему розовые? – не удержалась я и засмеялась над его важным видом.

– Потому что французский я знаю на троечку, а в мастерской все на нем. Перепутал чуток, – пожал плечами Реми. – Ну, так как? Что хочешь попробовать? – Он с хитрым прищуром смотрел на меня и ждал, что я выберу.

– Ты же знаешь, что безешки – моя слабость, и даже их малиновый оттенок не сможет испортить мой аппетит. – Я протянула руку и взяла самую симпатичную меренгу. – Слушай, Реми, не обижайся, но они чем-то пахнут.

Малиновые, хоть и лимонные, безешки отчего-то пахли то ли рыбой, то ли морепродуктами – так себе аромат для десерта. Реми, ни капельки не смутившись, закрыл лоток с ними и убрал в свой рюкзак.

– Тогда бери профитрольку, – с доброй и понимающей улыбкой предложил он, что показалось мне весьма странным. Обычно Реми остро реагировал на любую критику.

Осторожно подцепив аппетитную профитрольку, я положила ее в рот и зажмурилась от нежнейшего вкуса. Если бы я была котом, то обязательно заурчала бы от удовольствия.

– М-м-м, – протянула с наслаждением и тут же схватила еще одну под довольный и одобрительный взгляд Реми. – Ты чего такой счастливый?

– Ты ешь и улыбаешься. Знаешь, я так долго ждал, когда ты вернешься, когда снова станешь прежней Ксю, а не ее мрачной тенью. – Реми положил свою руку на мою и слегка ждал. – Не делай глупостей, ладно?

– О чем ты? – с набитым ртом решила уточнить.

– Ты знаешь. – Не отпуская моей руки, Реми сел чуть ближе, чтобы мне было удобнее положить на его плечо свою голову. – Это своего красавчика ты можешь обманывать, сколько хочешь, а я прекрасно видел, что в тот день ты не спала. Ты все слышала, Ксю, я знаю. И не хочу настраивать тебя против Лероя, но его слова меня напугали. Он ведет какую-то свою игру, сам или с твоим отцом. Мне хочется, чтобы решения ты принимала сама, а не под их давлением. По сути же не важно, кто примет или не примет твоего ребенка, главное – чтобы ты любила его и без угрызения совести могла смотреть ему в глаза.

– Реми, да с чего вы все взяли, что я беременна? Ну, смешно же! К врачу я только послезавтра. Зачем раньше времени думать о том, чего, возможно, и нет?

– Ксю, милая моя! – Реми положил контейнеры на край скамейки и обнял меня. – Ты только что отказалась от безумно вкусных безешек и уплетаешь четвертую профитролину с уткой, которую терпеть не можешь. Ты беременна, Ксю. Тут и врач не нужен. И я уверен, что будет мальчик. Копия своего отца.

С того момента, как я потеряла сознание, прошел всего день. Один день, который перевернул во мне все. Догадка, что где-то внутри, возможно, бьется сердечко моего малыша, дарила чувство необычайной легкости и непередаваемого счастья. Сомнения и страхи моментально отошли на задний план, стоило мне только представить свою кроху, так похожую или похожего на своего папу. Даже злость на Тимура и отчаяние испарились в один миг. Нет, конечно, я его не простила, хотя бы потому, что в этом он и не нуждался. Даже стало забавно, что он, со своей ненавистью и желанием мне отомстить, сделал меня самой счастливой, не подозревая об этом!

Было ощущение, что с меня сняли душную пелену, и я смогла рассмотреть мир по-новому – яркий, красочный, невообразимо красивый мир! Я хотела подарить его весь своему малышу. И, конечно, морить себя голодом или сидеть в четырех стенах стало для меня сродни преступлению. Именно поэтому сейчас я гуляла с Реми и грелась под все еще теплым осенним солнцем.

Меня больше не тревожили мысли о собственной ненужности или одиночестве. Я вдруг стала казаться себе цельной и вполне счастливой. Единственное, что беспокоило меня в данный момент, так это то, что я действительно слышала разговор Реми и Лероя в своей комнате, после того как ушел врач. И совру, если скажу, что поведение Лероя не показалось мне странным. По сути, мы с ним совершенно чужие люди. И то, что почти месяц мы живем под одной крышей, не делало нас даже друзьями. Порой его чрезмерная забота обо мне сильно напрягала, но обычно я списывала все на указания отца. Оберегать меня – его работа, не больше! Именно так я всегда и думала. Всегда, но не сейчас.

– Когда ты уезжаешь в Ле-Ман? – Я решила сменить тему, чтобы не портить настроение ни себе, ни Реми.

– Уже завтра, – печально выдохнул парень. – Месье Томази перенес сроки. Почти на три недели, Ксю. Я так не хочу оставлять тебя одну!

В Ле-Ман открывался новый ресторан, и шеф-повар Томази отправлял часть своих учеников туда на стажировку. Для Реми это был уникальный шанс не только набраться опыта в «высокой» кухне, но и получить отличный старт. Поэтому, как бы сильно меня ни печалила предстоящая разлука с ним, я постаралась не показывать своего огорчения.

– Все будет хорошо, не переживай. Просто звони иногда. – Я чуть крепче прижалась к Реми, а тот молча кивнул.

– Ну, что сказал врач? Не успела я шагнуть из кабинета доктора Орея в коридор, как взъерошенный Лерой налетел на меня с расспросами. В моем ребенке он определенно видел угрозу нашей безопасности.

– Я беременна, Лерой, – спокойно ответила ему. – У меня будет ребенок от Тимура.

Эта новость уже не была столь ошарашивающей и внезапной, нет. Теперь я просто перестала сомневаться. Врач подтвердил, что скоро я стану мамой.

И мне совсем не показалось, что при упоминании имени Черниговского в контексте моей беременности у Лероя промелькнул нездоровый блеск в глазах. Неужели ненависть Горского была настолько заразна?

– И что ты решила? Еще не поздно сделать аборт? Здесь, во Франции они разрешены? Если нет, то...

– Ты в своем уме?! – рявкнула я на него, чтобы он перестал нести чушь, и меня затрясло. Нервное напряжение последних дней, похоже, вырвалось наружу. – Никогда! Слышишь меня? Я никогда не убью своего ребенка! И никому не позволю!

Я совершенно забыла, что нахожусь в больнице, где все старались вести себя тихо и говорить шепотом. Но слова Лероя не оставляли выбора. Какое право он имел даже заикаться об этом?! Я вышла из кабинета счастливая и окрыленная, а он умудрился все испортить. Я всё

больше повышала голос , а выражение лица становилось все агрессивнее. Шагнув к Лерою и ткнув его указательным пальцем в грудь, продолжила:

– Мне наплевать на то, кто его отец, мне совершенно безразлично отношение к этому факту Горского, твое, да вообще любое! Это мой ребенок! И ты больше никогда не посмеешь говорить мне такие вещи!

– Qu'est-ce qui se passe ? Oh! Mademoiselle Mironova! Vous avez tous bien? – На мой крик из кабинета выбежал месье Орей. Заметив меня, он тут же перешел на английский, прекрасно зная, что французским я не владею.– Я же вам только что сказал, что вам нельзя волноваться. Совсем нельзя. А вы, месье Лерой, следите, чтобы ваша невеста была предельно спокойна, если не хотите навредить своему ребенку.

Слова врача вкупе с ввевшимися под кожу словами Лероя окончательно вывели меня из себя.

– Он мне не жених! – с новой силой ткнув пальцем в Лероя, прорычала я.– Это раз! И он уж точно не отец моего малыша – это два!

Врач недоуменно посмотрел на меня, потом на Лероя, а затем, взмахнув руками, ушел обратно в свой кабинет, лишь пробубнив себе под нос:

– Я предупредил. Дело за вами.

Молча, развернувшись на пятках, я быстрым шагом полетела прочь из этого места. Сейчас мне как никогда хотелось побыть одной. Но Лерой этого не понимал. Как верный пес, он не отставал от меня ни на шаг.

– Прости меня, – повторял он на ходу.– Прости!

3. Монстр

– Я просто был уверен, что ты ненавидишь Черниговского, только и всего! Переживал, что тебе больно будет смотреть на ребенка и видеть перед глазами предательство его отца.

Усевшись на заднее сиденье такси, мы смотрели каждый в свое окно. Внезапно Лерой заговорил, а мне захотелось заткнуть уши.

– Тебе всего восемнадцать. Первая любовь, первые сильные чувства... это пройдет. Уже через год ты и не вспомнишь о нем. А ребенок – это навсегда! Понимаешь?

Наплевав на правила приличия, я зажала уши руками и уткнулась головой в колени. Я хотела тишины. Он был не прав. Во всем.

Теплая ладонь коснулась моей спины.

– Прости, я опять говорю не то. Прости!

– Я люблю его, Лерой. Люблю, – попыталась сквозь выступившие слезы донести до него простую истину. – Он обманул меня, растоптал, обидел. Мне больно! Мне до жути больно! Я разваливаюсь от этой боли на кусочки и не могу себя собрать. Я заставляю себя дышать – так сильно его безразличие душит меня! Я не могу спать, потому что стоит мне закрыть глаза, и я снова возвращаюсь в ту квартиру и вижу его с ней. Среди всех лиц прохожих я постоянно ищу его, поэтому стараюсь никуда не выходить. Ты не представляешь, насколько мучительно убеждаться из раза в раз, что он меня не ищет, что он не жалеет, что потерял меня, что он никогда меня не любил!

В салоне повисло молчание. Лерой не ожидал от меня откровенности, а я, переведя дыхание, продолжила:

– Но я все равно его люблю. Разве можно разлюбить человека только за то, что он не любит тебя? Как объяснить глупому сердцу, кого можно любить, а кого нет? Да и разве оно способно услышать голос рассудка? Ты считаешь, что я могу видеть только его предательство, но ты ошибаешься. Глядя на своего малыша, я буду вспоминать, что однажды была самой счастливой. Я не дура, Лерой! Я всегда знала, что «мы» – слишком шаткое понятие. Знала, что рано или поздно мы расстанемся. Слишком многое было против нас. Да, возможно, нас и не было никогда. Но, Лерой, я даже не мечтала, что со мной навсегда останется его частичка – частичка нашей любви, пусть даже только моей любви! Я никогда не откажусь от этого ребенка! Никогда!

Такси давно остановилось, но меня никто не торопил выходить. Скрючившись, я продолжала всхлипывать и повторять:

– Никогда. Никогда. Никогда.

Рука Лероя крепче обхватила меня и притянула к себе.

– Пусть так. Пусть все будет так, как ты хочешь. Только не плачь, прошу.

Мы больше не говорили. Молча поднялись в квартиру, молча разошлись по комнатам. Лерой о чем-то думал, а я была благодарна ему за тишину. После того как смогла высказать ему все, что накопилось на душе, мне стало значительно легче.

Но все же мне не хватало уверенности в себе. Именно в этот момент я особенно нуждалась в маме. Кто, как не она, могла меня понять и поддержать? Сейчас я отчетливо понимала, что повторяла ее судьбу, шаг за шагом. Неужели, если ей хватило любви и силы вырастить меня, я не смогу? Я же ее дочь! Я справлюсь, раз она смогла справиться! Но вот только поговорить с мамой мне было не дано. Соболев прятал ее от меня, от Горского, от всего мира. Чего он боялся... или кого?

Стук в дверь моей комнаты отвлек от печальных мыслей.

– Звонил Николай. Завтра первым рейсом он будет здесь, – Лерой стоял у порога, засунув руки в карманы брюк. Его голос казался совершенно бесцветным.

– Ты ему сообщил? – Я сверлила парня взглядом, хотя он и не смотрел на меня. Он опять лез в мою жизнь...

– Нет, скажешь сама! – не поднимая на меня глаз, отрезал Лерой. По нему было видно, что он пришел мне что-то сказать – что-то, что беспокоило его. И это точно была не новость о Горском.

– Тогда зачем он приезжает?

– Затем, что он должен знать. И ты ему расскажешь. Чистосердечное признание... ну, ты в курсе...

– Надеешься, он сможет убедить меня в том, в чем ты сам не смог? – Я подошла ближе к Лерою, тем самым вынуждая его посмотреть на меня.

– Нет, – сухо ответил тот, поднимая на меня взгляд. – Но я должен понимать, насколько серьезная опасность теперь повиснет над всеми нами.

– Объясни мне... – Мы стояли слишком близко и слишком долго смотрели друг на друга. Нет, это не было чем-то новым и необычным, но отчего-то именно сейчас у меня по коже пробежали мурашки. В огромной и пустой квартире мы были одни, а я все еще помнила его слова.

– Есть вещи, которые в этом мире не должны происходить ни при каких обстоятельствах. – Лерой вынул руки из карманов и скрестил ладони за своей шеей. – Например, вы с Тимуром. Или ваш ребенок. Слишком много влиятельных людей не заинтересовано в слиянии враждующих фамилий. Для многих это невыгодно. А в некоторых подобное известие способно пробудить самого дьявола.

Лерой не сводил с меня взгляда, но руки разжал.

– Ты имеешь в виду Федора? – робко спросила я. Реакция Федора и меня пугала больше всего на свете. Наверно, поэтому я не спешила никому говорить о своем положении

– Нет, Ксюша. Я тебе уже однажды говорил, что Федор не так опасен, как тот, кто стоит за ним. – Лерой протянул руку к моему лицу и убрал прядь волос за ухо. Обычный жест. Реми постоянно так делал. Но то Реми. И кто в этот момент пугал меня больше – человек, стоявший за Черниговским или прямо передо мной, я не знала.

– И кто же стоит за ним? – робко поинтересовалась я.

– Подумай, ты же умная девочка. – С этими словами Лерой резко убрал от меня руку, развернулся и ушел вглубь квартиры. А вопросов в моей голове только прибавилось. Я взяла первую попавшуюся книгу и вышла на балкон. Мне был необходим свежий воздух и возможность все же побыть наедине с собой. Но, сидя в кресле, я не заметила, как заснула. Когда же я открыла глаза, на улице уже стемнело, а я была укрыта теплым пледом. Странно. Когда я прежде выходила на балкон, никогда не замечала его.

Ближе к вечеру я покинула свою комнату и присоединилась к Лерою за ужином. Мне не давали покоя мысли о том страшном человеке, который был для меня опаснее Черниговского.

– Месье Орей сказал, что мне нужно много гулять, хорошо питаться, а еще избегать любых волнений. – Я специально села напротив Лероя, чтобы вызвать его на разговор.

– Обычные рекомендации, не находишь? – не отрываясь от разделывания отбивной, произнес тот.

– Да, но ты заставляешь меня нервничать. – Я смотрела на него и ждала, когда он сосредоточится на мне, а не на ужине, и добилась своего: Лерой отложил столовые приборы и всем своим видом показал, что не понимает, о чем я говорю, и ждет продолжения.

– Ты напугал меня днем, сказав про того человека. Кто он? – Опять глаза в глаза. Я понимала, что если опущу взгляд, то Лерой не ответит.

– Фамилия Ермолаев тебе о чем-нибудь говорит?

– Нет, – честно призналась я.

– Юрий Николаевич Ермолаев, – медленно произнес Лерой.

Я же в ответ просто покачала головой. Я впервые слышала об этом человеке.

– Кто он такой?

– Человек, потерявший слишком много от войны Горского и Черниговского, – не отводя от меня своих шоколадных глаз, с грустью и сожалением в голосе ответил Лерой.

– Ты сможешь защитить меня от него? – Почему-то именно сейчас мне стало не по себе. Очередной монстр обрел имя и перестал казаться лишь выдуманным персонажем.

– Тебя – да, ребенка Черниговского – нет! – отрезал Лерой.

– И что это значит? – Мой голос предательски дрогнул. Я не была сильной или смелой настолько, чтобы с легкостью принимать подобные известия.

– Это значит только одно Ксюша: Ермолаев никогда не допустит появления на свет ребенка с кровью Горского и Черниговского в своих венах. Никогда. Пока жив сам.

– И что мне теперь делать?

– Я пока не знаю, Ксюша. Не знаю. Завтра приедет Николай, и будем думать. В любом случае, я сделаю все, чтобы вы не пострадали в этой чертовой войне.

Лерой, воспользовавшись салфеткой, встал из-за стола и вышел из столовой. А я осталась одна, напуганная еще больше и совершенно потерявшая аппетит.

4. Не допустит

Сложно сказать, боялась ли я сегодняшнего дня или ждала его с нетерпением. В любом случае волнение с самого утра не покидало меня. Встреча с Горским, мое признание, его реакция... Да, не каждый день сообщаем отцу, что в восемнадцать лет ждешь ребенка от закланного врага семьи. Но, с другой стороны, я все же надеялась, что мой малыш смягчит разногласия между нами и Черниговскими. Конечно, я не рассчитывала на то, что мы начнем отмечать праздники за общим столом, но хотела верить, что желание Федора убивать поубавится.

Горский приехал ближе к обеду. К этому времени я успела порядком накрутить себя. Спасибо Лерою, который с самого утра развлекал меня какими-то байками и забавными историями, но сейчас даже это ни капельки не спасало меня. Я закрылась в своей комнате и никак не решалась выйти к отцу. Все же я оказалась непробиваемой трусихой.

Но и на этот случай у Лероя был припасен ход. Голоса мужчин уже были слышны в гостиной, но о чем они говорили, я не могла разобрать. Зато звук пришедшей от Лероя эсэмэски не остался незамеченным.

«Я так понимаю, ты решила делегировать разговор с отцом мне?»

«А что, можно?»

Еще вчера я переживала, что Лерой лезет в мою жизнь, а сейчас была бы безумно рада его разговору с Горским.

«Можно. Вот только я жить хочу, а твой отец в гневе страшен».

«И что делать?»

«Выбирай: либо ты выходишь и сообщаем отцу все сама, либо говорю я, но с пометкой, что ребенок мой и мы решили пожениться. Поверь, его эта новость обрадует!»

«Дурак! В этом случае он тебя убьет намного быстрее!»

«Проверим? Считаю до десяти!»

Забыв о своём страхе, я вылетела из комнаты и практически бегом понеслась в гостиную. Мужчины сидели на диване и оживленно беседовали. Лерой держал телефон в руках, а заметив меня, широко улыбнулся и прошептал: – Семь.

– Я здесь, – вырвалось у меня неоправданно громко и резко.

Горский тут же обернулся и внимательно взглянул на меня.

– Я смотрю, Париж идет тебе на пользу, – обозначил он. Еще бы! Раздумывавшая от волнения, запыхавшаяся и улыбающаяся оттого, что опередила Лероя, я стояла перед Горским с телефоном в руках. – А мне Валера жаловался, что ты не ешь, не пьешь и не гуляешь. Ходишь, как тень, убиваясь по Черниговскому-младшему.

– Как видишь, уже нет! – ответил за меня Лерой, поскольку я медлила с ответом. А потом посмотрел на меня и одними губами добавил: – Восемь.

Все внутри сжалось от переизбытка эмоций. Волнение и страх напрочь выбили из головы все слова, которые все утро я репетировала перед зеркалом.

Горский встал и неспешно подошел ближе. Мы оба, казалось, не знали, как себя вести при встрече: вроде, и родные, а вроде как и нет. Мы настолько привыкли существовать порознь, что, находясь рядом, совершенно терялись в своих чувствах. Отец все же решил нарушить режим незнакомцев и рывком притянул меня к себе.

– Я скучал, – вполне искренне произнес он. – Как ты, моя девочка?

Не отпуская меня, он вытянул руки и начал осматривать меня с ног до головы. Я не знала, что сказать, а потому просто смотрела на него и молчала. Где-то слева от меня раздался звук наигранного кашля. Лерой. Он с ухмылкой смотрел на меня и ждал.

– Девять. – Его губы опять перетянули все мое внимание на него. Нет, он не посмеет! Это же шутка?

Отец отпустил меня и, вложив мою влажную ладонь в свою, крепкую и немного шершавую, повел к угловому дивану, чтобы я села рядом с ним. Я оказалась в самом центре, между двух огней.

– Лерой сказал, что тебя что-то беспокоит. Я волновался. Расскажешь? – Голос отца звучал ровно и спокойно. Когда волнуются, разве так говорят? Или он просто иначе не умеет? Интересно, каким голосом он заговорит, когда я скажу ему о ребенке? А если он вообще не захочет со мной говорить? Ну и ладно! Переживу. Как-то же жила без него восемнадцать лет. И вообще...

– Ксюша! – привлекая мое внимание, снова проговорил отец. Точно! Я должна была что-то сказать. Но Лерой меня опередил.

– Все, десять. Знаешь, Коль, тут такое дело... – оперативно начал он, но закончить предложение я ему не дала.

– Да! – громко выкрикнула с места. – У меня есть серьезный разговор. Настолько серьезный, что посторонние уши должны покинуть гостиную.

– Это я, что ли, посторонний? – в шутку удивился Лерой. – Да я почти родной!

Он засмеялся, а Горский... а отец его поддержал. Вот же, спелись!

– Ладно, – немного остынув, сказал Лерой. – Я буду у себя. Если что... Короче, зовите.

Он с кошачьей легкостью и грацией спрыгнул с дивана и удалился к себе. А я смогла выдохнуть: шутить с Горским дело заведомо проигрышное.

– Ну так что, дочка? Что ты хотела мне рассказать? – Отец повернулся ко мне всем корпусом и внимательно изучал меня взглядом.

– Я жду ребенка от Тимура, – на одном дыхании протараторила я, но, видимо, так быстро и так тихо, что Горский ни разобрал ни слова.

– Так, давай еще раз, но помедленнее, ладно? – Он не понял, что я ему сказала, но интуитивно напрягся. Это стало заметно по его более вытянутой и напряженной позе.

Я закрыла глаза, мысленно сосчитала до трех и на выдохе максимально спокойно произнесла:

– Я беременна от Тимура. У нас с ним будет ребенок.

Фух, дело было сделано и обратного пути уже не было! Но глаза открывать я не решалась. В комнате повисла напряжённая тишина, и казалось, воздух искрился от напряжения. Лучше бы он рвал и метал, чем копил в себе переполняющие его эмоции. Рано или поздно он все равно взорвется, так какой смысл откладывать?

Медленно, едва дыша, я открыла глаза и посмотрела на отца. Он, в свою очередь, сверлил взглядом пол. По желвакам на его лице и побелевшим костяшкам рук, сжатых в кулаки, можно было смело утверждать, что Горский в ярости. И с каждой секундой, что он молчал, я все больше и больше сжималась от страха и ожидания чего-то ужасного.

– Лерой! – словно разъярённый лев, взревел Горский на всю квартиру – да что там, на весь дом! – Лерой! – на грани бешенства проорал он еще громче.

От его голоса у меня внутри все похолодело, и я, казалось, приросла к дивану, боясь не только пошевелиться, но даже вздохнуть.

Лерой вошел в комнату практически сразу и, с улыбкой взглянув на меня, сел рядом. Мне бы капельку его спокойствия и уверенности!

– Ты, – указал на меня пальцем Горский, – сейчас же идешь в свою комнату, иначе я за себя не ручаюсь.

– Но... – попыталась возразить я.

– Шагом марш! – Он посмотрел на меня своим колючим и пронизывающим насквозь взглядом так, что у меня отпало всякое желание спорить. Я оставила отца срывать весь свой неумный гнев на Лерое, а сама поплелась к себе.

– Так даже лучше! Так нам с тобой спокойнее! – тихо говорила сама себе, точнее, уже не себе, а своему малышу, поглаживая все еще плоский животик.

Я была уверена, что сейчас до меня донесётся дикий ор и ругань. Думала, что отец в очередной раз разнесет всю квартиру вдребезги. Но из гостиной не раздавалось ни звука. Лишь изредка мне слышались отголоски слов Лероя, но и то разобрать их было невозможно.

Я ходила, как заведенная, по комнате, не зная, чем себя занять. Все, абсолютно все валилось из рук. Пятнадцать минут, двадцать, двадцать пять... Каждая минута тянулась до безобразия медленно и нудно. Но больше всего раздражала неизвестность. Там, в десяти метрах от меня, сейчас решалась моя судьба, а я сидела и совершенно ничего не предпринимала. Разве это правильно? Неужели я могла вверить свою жизнь двум до недавнего времени неизвестным мне мужчинам? Как бы потом я не пожалела об этом!

Быстро сунув ноги в мягкие тапочки с кошачьей мордочкой, я, как мышка, стала пробираться в сторону гостиной. Да, я хотела подслушать их разговор! Нет, мне совершенно не было стыдно за это!

Гостиную от моей комнаты отделял длинный узкий коридор, по краям которого располагались гостевые спальни. Маленькими шажочками я продвигалась по нему в сторону гостиной, с силой напрягая слух, но все было тщетно.

– Да что они там, на языке глухонемых, что ли, общаются? – прошептала себе под нос.

Вход в гостиную был отделен от коридора большой витражной дверью с причудливым узором, и сейчас она была наглухо закрыта. Именно поэтому я ничего и не слышала. С другой стороны, больше я могла не переживать, что меня заметят за таким непристойным занятием, как подслушивание взрослых разговоров.

– При чем здесь это?! – глухо возмущался Горский. – Ты реально думаешь, что ему есть дело до моей дочери?! Не смей меня! Этот ублюдок слишком просто отделался, я тебе скажу! Сколько прошло времени? Почти месяц? Ну и где он? Приехал, позвонил? Да я ему услугу, считай, оказал, избавив от своей дочери!

– Она все равно ему все расскажет, – не без сожаления ответил Лерой.

Черт, они говорили о Тимуре! Я сама еще не знала, как поступить. С одной стороны, не сказать ему я не имела права, но с другой – отец был прав. Прошел месяц, как я уехала, а Тимур ни разу не дал мне о себе знать. Ему все равно. И лезть в его праздную жизнь с клубами и блондинками мне совершенно не хотелось. А может, я просто боялась потерять последнее, что у меня оставалось, – надежду?

– Пусть так. Но только после суда! Мне проблем с Федей больше не нужно! Понял? – жестко, но тихо заключил отец.

– А Ермолай? Договор с ним действует только на Ксюшу. И то ты его нарушил, разбив Черниговскому морду. С ним бесполезно будет говорить, ты же знаешь! – Лерой опять вспомнил этого Ермолаева, а я все задавалась вопросом, кто же он такой. Нет, я точно его не знала, но фамилия... Фамилия казалась смутно знакомой.

– Забудь. Старику не до этого сейчас. С одной стороны Федя поджигает и грозит за собой на дно утащить, да и со здоровьем у него проблемы. Хотя не удивлюсь, если он сочиняет, чтобы на нары не отправиться следом за своим преемником. В любом случае, он не опасен.

В комнате вновь повисла тишина, долгая и тягостная.

– Не к добру, – вырвалась вслух мысль, и я тут же зажала рот рукой.

– Знаешь, Коль, я тут подумал... – как-то совершенно легко и непринужденно начал Лерой. Эта его манера речи совершенно не вписывалась в атмосферу разговора. – А отдай-ка ты мне Ксюшу в жены. Парень я нормальный, сам знаешь. А так, глядишь, и проблемы все разрешатся сами собой.

Мое волнение напрочь пропало и резко сменилось злостью и раздражением! Какого лешего Лерой творил?! Какие жены?! Он с ума сошел?!

– А что, Валер, идея мне по душе, – совершенно серьезно ответил Горский.– Забирай!

Здесь я уже не смогла сдержать в себе рвущийся наружу гнев! Да что они о себе возомнили?! Да как так можно?! Со всей дури я двинула по двери, та бесшумно открылась, а на меня уставились две пары глаз: одна – ледяная и холодящая душу, вторая – теплая и хитрая. Лед и пламя! Нашли же друг друга два оборота!

– Я ж говорил, – не сдержался Лерой и заржал, как конь. Горский, недолго думая, разразился еще более громким и залившимся смехом.

– Будешь ли еще подслушивать? А? – сквозь смех пригрозил он. – В следующий раз точно замуж отдам, поняла? Иди сюда, дуреха!

Горский подошел ко мне и крепко обнял, а я прижалась щекой к его груди и почувствовала себя самой счастливой: он принял меня и моего малыша. Все будет хорошо! Иначе он не допустит.

5. Три минуты

– Если честно, я уже отвык столько ходить. Вот серьезно! – Лерой ныл над душой последние полчаса.

– Привыкай! Я теперь обязана много гулять, а тебе от меня никуда не деться.– Я потрепала его по голове и пошла вперед.– Тем более, со среды обещают дожди. Наслаждайся солнышком, Лерой!

– Тогда, может, зайдем перекусить? Иначе я просто озверею! – в шутку зарычал он.– Смотри, через дорогу вполне милая пиццерия. Ну, пойдем, а?

Горский уехал домой несколько дней назад, раздав нам всем четкие указания. Я не стала с ним спорить, поскольку ничего подозрительного в них не заметила. До суда над Черниговским я должна была все так же находиться во Франции. А все потому, что тот, выпущенный под залог, сидел дома и все еще мог быть опасен для меня. Кроме того, отец переживал, что через меня он сможет давить на него и на следствие. Опасения Горского были мне понятны, как и его просьба никому не сообщать о беременности все это время. В принципе я и не планировала это делать, по крайней мере, месяцев до трех. Самым сложным оказалось другое: Лерой. Теперь он не имел права отходить от меня ни на шаг. Куда бы я ни решила пойти, он должен был быть рядом – так отцу было спокойнее, но только не мне. Как бы ни улучшились наши отношения в последнее время, мы все еще не были близкими друзьями, а в голове то и дело всплывали его слова. У меня не получалось довериться ему полностью. В каждом его действии я искала подвох, правда, пока не находила.

– Ладно, пойдем! – согласилась я. Мне и самой уже не терпелось где-нибудь посидеть и немного отдохнуть.

Осмотревшись по сторонам, я шагнула с тротуара на проезжую часть и хотела быстро перебежать через дорогу. Машин было немного, как мне показалось, но я ошиблась. Буквально через секунду я ощутила крепкие руки, обхватившие меня, и толчок, а следом мимо меня пронеслась машина такси.

– Черт, Ксюша! Ты что творишь?! – возмутился Лерой, осматривая меня с ног до головы. Он испугался. За меня.

– Я ее не заметила, – на автомате ответила ему, еще не до конца осознавая возможные последствия, если бы парень не успел оттащить меня с дороги, но постепенно приходило понимание, а вместе с ним на глаза навернулись слезы. В последнее время они все чаще становились моими верными спутниками.

– Ты так меня напугала, – тихо и мягко произнес он, крепко прижимая к себе и поглаживая рукой по голове в надежде успокоить.– Ну, все! Не плачь. Все же хорошо! Успокойся. Ладно? Вон там, смотри, пешеходный. Пойдем.

Он выпустил меня из своих объятий, но понимая, что меня все еще потряхивает, приобнял за плечи и повел к переходу.

В тот день мы долго сидели в пиццерии, много разговаривали, а мое недоверие к Лерою стало постепенно притупляться.

Практически каждый день на протяжении следующих нескольких недель мы совершали один и тот же маршрут: сначала пешком обходили весь парк за нашим домом, потом заглядывали в пиццерию на углу, а иногда просто уезжали изучать город. Меня, к счастью, миновала участь большинства беременных – токсикоз. Я могла есть все что угодно, меня не мучило от запахов, и каждое утро начиналось с улыбки, а не с тошноты. Поэтому я хваталась за любую возможность выбраться из дома и насладиться свежим воздухом. Каждый вечер, уставшие, но довольные, мы с Лероем возвращались в нашу квартиру, чтобы на следующий день начать все с начала.

Погода в Париже давно перестала быть солнечной и теплой. Осень передала бразды правления теплой европейской зиме. Дожди без устали поливали прохожих, ветер разносил опавшие и пожелтевшие листья, а сами французы уже вовсю говорили о Рождестве. Странные: какое может быть Рождество без снега и морозов?! Какая зима, если на деревьях еще не до конца опали листья? Я так скучала по снегу, так скучала по дому!..

– Эй, ты чего такая грустная? – щелкнув меня по носу, спросил Лерой, когда я, погрузившись в воспоминания, стояла у окна в столовой. За окном бушевал дождь, а небо затянуло черными тучами. Декабрь. Сегодняшний день мы решили провести дома.

– Реми звонил. Его оставляют в Ле-Ман еще на месяц, и опять без единого выходного. А я скучаю по нему, – жаловалась Лерою, глядя на барабанивший в окно дождь. Говорить Лерою, что я скучаю по дому, мне не хотелось: он и сам был здесь не по своей воле.

– Печально, конечно, – без какого-либо намека на печаль ответил Лерой. Парни относились друг к другу весьма настороженно, с большим недоверием. И если мысли Реми я отчасти разделяла, то неприязнь Лероя объяснить не могла.

Он обхватил ладонями мои плечи, тем самым вынуждая оторваться от окна и посмотреть на него.

– Ле-Ман всего в двухстах километрах от нас, и если Реми не может выбраться в Париж, значит, мы поедem к нему. Заодно оценим его кулинарные способности. Уверен, за это время он многому научился.

– Ты серьезно? Мы поедem в Ле-Ман? – Не веря своему счастью, я смотрела Лерою прямо в глаза, пытаюсь отыскать в его словах долю лукавства, но он был совершенно серьезен.

– Конечно. Можем послезавтра, например, выбраться. – Лерой склонил голову набок, не отрывая от меня своих медовых глаз и не выпуская из сильных и крепких рук. В этот момент на душе отчего-то стало спокойно и тепло, а на глазах вновь навернулись непрошеные слезы.

Миронов, Реми, Горский, а сейчас и Лерой... Верные, надежные, готовые в любую минуту протянуть руку или подставить плечо, они всегда были рядом! Но разве я ценила это? Их заботе, преданности, вниманию я всегда предпочитала черный омут Тимура, в котором до сих пор тонула. Глупая, наивная и неблагодарная – именно такой я ощутила себя в настоящий момент!

– Опять слезы, Ксюш! Что я снова сказал не так? – встревоженно спросил Лерой, аккуратно смахнув слезинку с моей щеки своей теплой ладонью.

– Послезавтра у меня прием у доктора. Месье Орей говорил, что мы, возможно, узнаем пол малыша.

– Ты из-за этого плачешь? – удивленно спросил он.

– Нет, конечно, нет! Поехали в субботу, ладно?

Лерой кивнул, а я незаметно выбралась из кольца его рук и пошла к себе, но у порога остановилась и оглянулась. Лерой занял мое место у окна и задумчиво смотрел на дождевые разводы.

– Мы друзья?– зачем-то спросила его.

Он повернулся ко мне, но поначалу ничего не ответил. Просто смотрел на меня и молчал. Потом вернулся к разглядыванию капель дождя на стекле и тихо, немного понуро ответил:

– Конечно.

Вернувшись в свою комнату, я долго не находила себе места. Я пыталась читать, открывала учебник по французскому, пыталась вздремнуть, но ничего не получалось. В очередной раз осмотрела комнату, и мой взгляд зацепился за мобильный, который лежал возле кровати и легкой вибрацией сигнализировал о входящем вызове. Мой местный номер знали только отец, Лерой и Реми. Даже с Мироновым я общалась с телефона Лероя. Поэтому звонок с неизвестного номера меня изрядно напугал. Мне следовало скинуть вызов и сообщить Лерою, но глу-

пая надежда, что звонил Тимур, взяла верх над рассудком. Я даже дала себе слово, что если это был он, я скажу ему о ребенке вопреки просьбе отца.

Удивительно, как маленький кусок из пластика и стекла способен обжигать руки и путать все мысли. Пока я уговаривала себя ответить на звонок и неловкими пальцами пыталась провести по экрану, вызов прекратился. Черт! Я не успела! Кто это был? Безумная идея перезвонить будоражила сознание, но стук в дверь моей комнаты принудил оставить эту затею.

Лерой приоткрыл дверь и протянул свой мобильный:

– Миронов. Будешь говорить?

Я кивнула, судорожно сжимая в руках свой телефон и тем самым привлекая внимание к нему Лероя. И в этот момент телефон в моей ладони снова ожил. Лерой проследил за моим взглядом и, скинув резким движением вызов Миронова, схватил в руки мой мобильный.

– Кто это?– жестко спросил он меня, а я лишь растерянно смотрела на него и молчала.– Ксюша, чей это номер?

– Я не знаю, – прошептала в ответ.– Не отвечай! Пожалуйста!

Внутренний голос кричал, что это был Тимур. И если он звонил, то только мне. Я не хотела, чтобы он услышал мужской голос вместо моего. Желание отомстить или сделать ему больно давно покинуло меня. Но Лерой проигнорировал мою просьбу.

– Да, – стальным голосом ответил он на звонок, который был адресован мне.

Между нами было не больше метра, и то, что в трубке моментально раздалась короткая гудка, я услышала одновременно с Лероем.

Я стояла, окаменев, и не могла вымолвить ни слова. Моя интуиция была во все колокола: Лерой только что перечеркнул мое будущее. И хотя умом я понимала, что ничего страшного не произошло, что он поступил так в целях моей безопасности, внутри все равно что-то сломалось. Надежда. Моя надежда только что дала трещину.

– Я еще могу поговорить с Геной? – спросила его, чтобы не подавать вида, как сильно задел меня поступок Лероя.

– Номер местный Ксюша. Это был не Тимур, – словно прочитав мои мысли, ответил он. – Черниговский не покидал пределов России.

Лерой протянул мне свой телефон, чтобы я перезвонила Миронову, мой же положил на журнальный столик, а потом ушел. Три минуты – ровно столько времени прошло с момента его стука в мою дверь. Всего три минуты, которые перевернули всю мою жизнь...

6. Не моя. Тимур

– Дед, ну ты как? – Я обнял старика и похлопал его по спине. Вот же неугомонный! Выскочил из дома в такой мороз, чтобы встретить меня, как маленького! И ладно бы оделся, а то стоял в одной рубашке, да джинсах. Как же до него достучаться, чтобы берег себя?

– Я скучал! – произнёс я, искренне радуясь встрече. Кроме него у меня больше никого не осталось, да и тот сдал. Семеныч, его водитель, сказал, что опять был приступ. – Почему не позвонил?

– Потихоньку, мой мальчик, потихоньку. Да ты не волнуйся, механизм сердечный у меня, может, и старый, но еще вполне рабочий. Поживу еще. – Дед старался выглядеть бодрым, но меня ему было не обмануть. Здоровье дало сбой. – Пошли в дом, Тимур. Разговор есть.

– Пошли. – Взяв деда под руку, я направился в его огромный, но мрачный дом. Сколько ни предлагал ему сменить этот дворец графа Дракулы на более современное и уютное жилище, все бесполезно. Он ему, видите ли, напоминает о бабушке, о маме, о маленькой Кире. Нет, конечно, и у меня с этим местом связаны свои воспоминания, но разве это повод жить в развалюхе. Тем более, сколько бы ты ни держался за свои воспоминания, все равно ничего не вернуть. Это я теперь знаю точно.

– Есть хочешь, мальчик мой? Наташенька приготовила знатную солянку, отведаешь?

Наташенька, домработница деда и его ровесница, и вправду готовила очень хорошо. Но есть в последнее время мне совершенно не хотелось.

– Нет, дед. Давай к делу.

– Ну, давай! – Миновав длинный коридор, мы зашли в его кабинет, не менее мрачный, чем и сам дом. Я всегда удивлялся, как такой энергичный и веселый человек, как Юрий Николаевич Ермолаев, мог окружать себя настолько мрачной и унылой обстановкой. Правда, сейчас я вряд ли имел право его осуждать. Я и сам прятался за разрушенными стенами и горой битой посуды.

Последние пару месяцев моя квартира мало чем отличалась от дома деда. Хотя нет, соврал: у Ермолаева дом хоть и старый, но целый. Моя же современная квартира была изуродована подчистую.

Несколько дней я крушил все, что только могло напоминать о Ксюше: о ее обещании, о ее предательстве. Чтобы вытравить ее незримое присутствие в своем доме, я практически полностью его уничтожил. Но она въелась под кожу и отравляла собой каждую секунду моего существования. Она поверила ему! Она не захотела слушать меня! Тогда, в аэропорту, я умер заживо. Только ей было абсолютно на это наплевать. Она не обернулась. Она не дала нам шанс. Она убежала.

Разговор с Горским до сих пор хватал за сердце раскаленными щипцами.

– Руки свои убери! Да пусти ты меня, урод! – Вырываясь из цепких лап Горских охранников, я пытался прорваться к моей – тогда еще моей! – девочке. Но их было слишком много на одного меня.

Я смотрел, как она уходила, и ничего не мог изменить. Ничего. Она не слышала меня. Или просто не хотела.

– Что конкретно в моей просьбе исчезнуть из жизни дочери тебе непонятно? – зло процедил сквозь зубы Горский. Он подошел ко мне сам, пока его церберы продолжали скручивать мои конечности и отбивать все мои внутренности.

Но я его не слышал. Я смотрел на исчезающий силуэт Ксюши, до последнего веря, что «мы» – не пустой звук, что она помнит о своем обещании, что она все же даст мне шанс ей все объяснить. Вот только я не учел одного: этого шанса меня изначально лишил Горский.

– Ты!.. – заорал я на него, когда окончательно потерял Ксюшу из виду.– Это ты! Ты все подстроил, сука! Это как же надо ненавидеть меня, чтобы так издеваться над собственной дочерью!

– Тимур, ты о чем? – как ни в чем не бывало спросил Горский. – Ты просто заигрался, мальчик! И дочь мою чуть не увлек в свои грязные игры. Слава Богу, свой выбор она уже сделала!

– Ты это о чем? Какой еще выбор? – не до конца понимая намеки Горского, спросил его. Тот же в ответ лишь криво улыбнулся.– Не делай из меня идиота! Она не могла выбрать его!

Конечно, я видел, как Ксюша держала своего Потапова за руку, как уходила с ним, но Горский, по всей видимости, не знал, что именно Реми помог мне ее найти, как ничего не знал и о нашем с ним разговоре. Вот только я в очередной раз оказался на шаг позади, а эта сволочь, Горский, все просчитал наперед.

– А я разве сказал, что Ксения выбрала Михаила? Нет, конечно, нет. Она просто не выбрала тебя, – с презрением выплюнул этот черт. – А вот, кстати, познакомься. Валерий. Это он выкупил Ксюшу на аукционе, где ты, заметь, бросил ее на растерзание сотне извращенцев и ублюдков. Бедная девочка! Она так тебя ждала, но, увы, ты, говорят, выбрал другую. Врагу не пожелаешь пережить подобное, правда? Кстати, Валера летит вместе с Ксюшей.

Следом за Горским ко мне подошел какой-то мужик лет тридцати. Я окинул его мрачным взглядом, пытаюсь зацепиться за что-то, что не позволило бы Ксюше даже в мыслях посмотреть на него как на мужчину, но ничего не нашел. Высокий, видно, что сильный, симпатичный, но не смазливый. Его осанка выдавала в нем человека уверенного в себе и независимого. Глаза с намеком на восточные корни не казались пустыми или озлобленными, нет. Он, мать вашу, словно сошел с обложки журнала! До тошноты идеальный! И оттого выбить все его зубы стало моим навязчивым желанием.

– Только попробуй прикоснуться к ней, – прорычал я.– Убью!

Мужик ничего не ответил, лишь слегка дернул губами и, поправив сумку на плече, отправился следом за моей девочкой.

– Учти, Тимур: Валера – человек серьезный, – наклонившись ко мне ближе, прошипел Горский.– И сейчас только от тебя зависит, как он будет вести себя с нашей девочкой. Чем больше ты будешь делать глупостей, тем жестче он будет с ней. Понимаешь?

Господи, был ли предел жестокости этого человека, его безумию?!

– Она же твоя дочь, мразь! – выплюнул ему в ответ.

– Именно потому, что Ксения моя дочь, – с отнюдь не наигранным отвращением начал Горский, – она никогда не будет рядом с таким, как ты! Ты, твой сумасшедший отец и дед, с головой погрязший в своей ненависти, больше никогда не посмеете даже близко к ней подойти! Иначе я вас всех раздавлю!

– Тимур... – Голос деда вернул меня в день сегодняшней.– Ты чего замер, а? Садись, говорю.

Машинально кивнув, я сел напротив деда. Наши взгляды встретились. У обоих глаза черные, как смоль. Нас разделяли массивный дубовый стол и гнетущее ожидание предстоящего разговора.

– Федора уже не вытащить, зарыл он сам себя. – Дед сразу же перешел к делу.– Его махинации я бы еще прикрыл, но он слишком сильно наследил в покушении на ту девчонку, дочку Горского.

Дед вздохнул и достал свой портсигар, намереваясь закурить. А значило это только одно: разговор обещал быть не просто тяжелым. Когда дед начинал курить, решались судьбы. И сейчас на кону стояла моя.

– Вот же дурак! – глухо возмутился дед.– Если хотел ее убрать, надо было делать все тихо, а он поспешил.

От слов деда во мне все перевернулось – настолько хладнокровно и жестоко прозвучали его слова. Таким я Ермолаева еще не видел.

– Ну, да туда ему и дорога! Давно, знаешь ли, Федя мне нервы мотал. – Дед все же закурил.– Скажи мне лучше, ты подумал о моем предложении?

Вот оно! Началось! Белесое облако дыма повисло между нами, смазав и без того неясную картину. Еще месяц назад я дал понять, что не буду участвовать в его афере, как и брать на себя дела отца. Но дед не унимался. И этот мой визит к нему лишь доказывал, что тот нашел и на меня рычаги давления. Осталось узнать, какие.

– Вижу, все еще упираешься. Есть ради чего? – Он прокашлялся и выпустил новое облако дыма.

– Дед, ты бы бросал. Мало сердце шалит?– Тема для меня была закрыта. Точка.

– Глупо, Тимур, глупо! – Он слишком хорошо знал меня, чтобы надеяться на мое согласие.– Стало быть, нашел ее?

– Да, – сухо отрезал я.

После того как прошла первая волна моей «ломки», как я разнес всю квартиру в хлам и выпил не одну бутылку виски, я поклялся, что найду ее. Я уже искал ее три года, не зная ни имени, ни возраста, ничего. Только черты угловатой девчонки на старом фото. Три чертовых года я потратил, чтобы найти ее и отомстить. И я нашел. Так неужели, имея на руках все карты, я не отыщу ее вновь? Бред, легко! Найду и верну ее себе. Даже если вновь потребуются годы. Даже если вновь Горский попытается мне помешать.

Вот только выйти на ее след оказалось не так просто: Горский, сука, знатно подчистил все следы! Конечно то, что она улетела в Париж, я знал еще со слов Потапова, но этого было мало. Горский запросто мог отправить ее дальше, и еще неизвестно под каким именем.

Оставались только два человека, способных мне помочь: Миронов и Реми. Но первый все еще находился в больнице и никого к себе не пускал, а Потапов элементарно скидывал все мои звонки, а после и вовсе сменил номер телефона.

Именно тогда я второй раз в жизни пришел за помощью к деду – второй раз, и все по тому же вопросу. Я просил найти Ксюшу. Для него найти человека, достать его хоть из-под земли – плевое дело. Но только не ее. Как и три года назад, он отказал мне. Он даже не попытался мне помочь. Все, что касалось дочери Горского, моментально выводило его из себя, но при этом, как ни странно, он держал себя в руках. Он не оскорблял ее, как отец, не угрожал, и даже уже тогда, три года назад, не винил в смерти Киры. Он будто уже знал то, что все еще пытался разгадать я.

Даня вышел на след Ксюши только недели через две. Он ее нашел. Она жила в самом центре Парижа, в огромных апартаментах, которые были оформлены на Амирова Валерия Таировича. Тот самый Валера. Мне в очередной раз тогда снесло голову. Горский не обманул.

Уже на следующий день в Париже работал нанятый мной частный детектив. Я хотел знать все. Я не верил тому, что узнал.

А через неделю на моем столе лежали фотографии Ксюши. Бледная, худая, почти прозрачная, она практически не выходила из дома и, судя по всему, ничего не ела.

Остатки мебели в квартире полетели прочь. Все из-за меня! Моя девочка изводила себя из-за меня! Если бы она только знала правду...

Билет на вечерний рейс. Полная уверенность, что теперь все получится. И безграничное разочарование, когда в аэропорту меня просто не допустили к посадке. Федор чертов отец, со своими махинациями и разборками, или Горский, решивший подстраховаться. Не знаю. Вот только покидать границы страны мне было запрещено.

Провал! Очередной! Полнейший! А потом удар под дых. Новая порция фотографий. И на них уже совсем другая Ксюша. Уже не моя девочка.

7. Решение. Тимур

– Знаешь, Тимур, я уже далеко не молод, не так здоров, как хотелось бы, и не так силен, как может показаться со стороны. – Дед в очередной раз вывел меня из забытья, выдохнув новую порцию удушливого дыма.– Мне нужен преемник. Мне нужен наследник. И тебе я предлагаю отличное решение. Ты не хочешь продолжать мое дело? Отлично! Его продолжит Шефер. А ты занимайся развитием своего. Но мне нужны гарантии, понимаешь?

Я понимал. Все. И очень хорошо. Но согласиться не мог. Не сейчас, когда я нашел ее.

– Молчишь?– Старик начинал закипать.– Хорошо, Тимур! Даю тебе неделю. И вот, держи.

Дед протянул мне конверт из крафтовой бумаги. Внутри лежали паспорт и авиабилет. Не понимая, что все это значит, я вопросительно посмотрел на старика.

– Билет до Парижа и новый паспорт. Горский напряг многих, чтобы тебя не выпустили, но где он и где я? Лети к ней.– Подмигнув, дед улыбнулся мне по-доброму, а потом, прокашлявшись, жестко добавил:

– У тебя неделя.

Я даже не стал спрашивать, откуда он все знал, но прежде чем принять конверт, я обязан был понять мотивы деда.

– С чего такая щедрость? – Я недоверчиво посмотрел на него, ожидая подвоха.

– Ты, Тимур, очень похож на меня. Ты жесткий, упрямый и не умеешь прощать. Мы с тобой на многое можем закрывать глаза, но только не на предательство. Я хочу, чтобы ты своими глазами увидел, что эта маленькая лживая тварь никогда тебя не любила. А ты ради нее готов разрушить дело всей моей жизни!

– Не смей! – отчеканил я, повысив голос.

Дед всегда был для меня всем. Он был моим идеалом. Моим другом. Единственным родным человеком. Я никогда ему не перечил и всегда с уважением относился к его словам. Но сейчас он перегибал!

– Ты забываешься! – осадил меня он. Докурил сигарету и пальцами, не глядя, пытался выбрать следующую. Он был на грани. Я впервые повысил на него голос. – Я не посмотрю, что ты мой внук, Тимур! Пока ты любишься ее фотографиями, громишь свой дом и мой бизнес, она живет с другим! Два месяца в одной квартире! Или ты настолько наивный, раз полагаешься, что она все еще ждет тебя?

– Нет, дед! Ты не понимаешь! – Я попытался сбавить обороты. Ссора с дедом – последнее, чего я сейчас хотел.– Этот Амиров, он же человек Горского. Он просто пользуется ситуацией, возможно, обманом или клеветой заставил ее...

– Это ты не понимаешь! – перебил меня старик, сжав и разломав в кулаке все оставшиеся сигареты. Затем открыл верхний ящик стола и швырнул на стол какие-то бумаги.– На, почитай! Ты же, вроде, лингвист! Перевод с французского тебе, я так думаю, не нужен.

Он встал, опираясь на стол, и начал шагать по кабинету из угла в угол, глядя на меня исподлобья.

– Что это? – Я бросил взгляд на стопку документов, похожих на копии каких-то выписок.

– Читай, Тимур, внимательно читай! – глуховатым голосом ответил дед. – Особенно обрати внимание на графу, где указано отцовство и срок ее беременности.

Что только что сказал старик?! Беременности?! Чьей беременности?! О чем он вообще?! Онемевшими руками я взял бумаги и попытался разобрать, что там написано, но буквы упрямо плясали перед глазами, не желая складываться в слова. Этого просто не могло быть!

– Читай, Тимур! Вслух читай! – врезался в меня победный голос деда. – Или ты все еще думаешь, что ее обманули? Или заставили?

– Миронова Ксения, 18 лет. Дата приема: 2 декабря, – начал монотонно читать бумаги, совершенно не понимая, как я залез во все это дерьмо.– Диагноз: беременность, срок 7 недель. Отец: Амиров Валерий, группа крови 1...

– Думаю, не стоит напоминать, что из страны твоя ненаглядная Миронова... или как её там... Горская... улетела больше двух месяцев назад.

Я не заметил, как выписки выпали из моих рук и рассыпались под ногами. Не помнил, как встал и вышел из кабинета деда, как спустился вниз и вышел на улицу. Я не чувствовал, как холод пробирал меня до костей. Я лишь повторял то, что увидел:

– Миронова Ксения, 18 лет, беременность 7 недель, отец – Амиров Валерий.

Дед нашел меня стоящим на коленях на голой промозглой земле. Я смотрел на серое небо и заставлял себя дышать, хотя сам не знал, зачем.

– Я не верю, дед! Я не хочу в это верить!

Он молча положил мне руки на плечи и, наклонившись, поцеловал в затылок.

– Вставай, пойдём в дом, Тимур. Не надо! Не стоит так! – Он пытался меня поднять и увести в тепло. Что-то говорил и старался успокоить. А мне было все равно.

– Беременность 7 недель, отец – Амиров Валерий, – повторял я себе под нос, надеясь, что найду какую-то ошибку, какой-то знак. Так, как было, быть не могло!

– Вылет завтра утром. Убедись во всем сам, я не хочу, чтобы ты в дальнейшем в чем-то сомневался. Закрой эту тему для себя правильно, Тимур. У тебя на это есть неделя!

– Я поеду к себе, – оторвавшись от серого неба, глухо прошептал деду.

– Семеныч отвезет, – кивнул тот.

Разрушенная квартира, разрушенные мечты, разрушенный я...

Быстро собрав все самое необходимое, я сорвался в аэропорт. Находиться в четырех стенах в беспредельном одиночестве сейчас мне было просто опасно.

К моему счастью, я без проблем обменял билет на более ранний вылет. Всего несколько часов, и я увижу все своими глазами.

Пятый «эспрессо» в зоне вылета, экран телефона перед глазами, и она на каждом снимке – счастливая, с сияющими глазами и нескрываемой улыбкой на лице. И рядом обязательно он – спокойный, надежный, внимательный. Вот он подает ей руку, когда они выходят из такси в Сен-Жермене, а вот он пропускает ее первой зайти домой, бережно придерживая за плечи. Тут он не может оторвать от нее глаз, а она, не замечая этого, что-то увлеченно рассказывает. А это самая любимая: Амиров крепко обнимает мою девочку и прижимает к себе. Черт! Посреди города. У всех на виду. На обочине какой-то дороги... А она не сопротивляется. Ей нравится. Он ей нравится. Она ждет от него ребенка. Блядь, какой же я идиот!

Ближе к вечеру смог заселиться в отель, метрах в ста от ее апартаментов. Из моего люкса частично были видны окна ее квартиры. Дед все просчитал. Всё.

Погода – дрянь. Как в те дни, когда она была только моей. Дождь, барабанивший по стеклам, невольно воскрешал в памяти ненужные и больные фрагменты нашей недолгой истории.

Дед был прав: чтобы отпустить, я должен был ее увидеть. Вот только я до сих пор не понимал, насколько это могло быть губительным для меня.

Мне казалось, я забыл, как дышать, когда в одном из окон смог различить ее силуэт, светлый, нежный, воздушный. Он на мгновение возник передо мной и так же стремительно исчез.

Посмотрел в медицинских выписках ее номер телефона и, ни секунды не раздумывая, набрал. Мне просто хотелось услышать ее голос. Но на звонок ответил он.

Такое простое «да» отозвалось во мне жгучей болью и пониманием, что я действительно опоздал.

Но этого мне было мало. Я, как мазохист, следил за ней все последующие дни, убеждая себя все больше и больше, что стал для нее никем, что Горский оказался прав: она выбрала не меня.

Она улыбалась ему. Его она держала за руку. С ним проводила все свое время. Они вместе ездили в клинику, после чего Амиров кружил ее на своих руках на виду всего города, всем видом показывая, как он счастлив рядом с ней. Они вместе выбирали одежду для малыша в детском магазине. Голубую одежду, блядь! Она ждала сына, его сына!

Наверно, именно там, в огромном шумном торговом центре, где отовсюду доносился детский смех, а ее счастливая улыбка прожигала в моем сердце огромную дыру размером с кулак, я и принял решение.

– Я согласен, дед, – провожая ее взглядом, твердым голосом заключил я.

– И это правильно, Тимур, – уверенно ответил дед.– Шефер тебя ждет. Возвращайся!

8. Побег

Лероя явно что-то беспокоило. Уже второй день он не был похож на себя. Чересчур задумчивый дома, на улице он становился самым обаянием. Шутил, постоянно касался меня и, думая, что я не замечаю, смотрел по сторонам. Он чего-то опасался, но мне не говорил. Лерой даже не пошел со мной на УЗИ, хотя обещал поддержать. Вместо этого он остался на улице, ссылаясь на важный телефонный звонок. Что-то происходило, и это что-то напрямую было связано с тем вечерним звонком. Я это чувствовала.

– Смотрите, вот голова малыша, а вот ручки и ножки. Видите? Они, конечно, еще очень маленькие, но уже различимые. – Врач, молодая девушка, на ломаном английском показывала мне мое сокровище, которое росло внутри меня не по дням, а по часам. Как бы я ни крепилась, в носу все равно защипало от непрошенных слез. Это оказалось сильнее меня. Волшебный, незабываемый момент, который я проживала в одиночестве. Мне было радостно и в то же время безумно грустно. Где-то там, за тысячи километров отсюда, Тимур жил своей обычной жизнью и даже не предполагал, какое чудо сотворил.

– Слышите? – Кабинет огласил звук бьющегося сердечка. – Все хорошо! У вас и у малыша. Пол вы еще не знаете?

Вытирая ладошкой слезы от переполнявших меня чувств, я помотала головой.

– Скорее всего, будет мальчик. Надеюсь, вы рады?

С глупой улыбкой на лице я кивнула девушке. Сын! У меня будет сын! Маленькая копия Тимура, которая всегда будет рядом и никогда не предаст.

Именно в этот момент я поняла, что совершила ошибку. Послушалась Горского, поддавалась на уговоры Лероя, который чуть ли не ежедневно напоминал мне об опасности, но упустила одну важную деталь. Во всем мире есть только два человека, способных защитить своего ребенка и подарить ему настоящую безусловную любовь – это мама и папа. А я лишила своего сынишку половины этой любви. Сама. Добровольно. Как бы сильно Тимур ни обидел меня в прошлом, в настоящем я не имела права лишать своего сына отца.

Пока Лерой был во дворе клиники, я достала телефон и по памяти набрала номер Тимура. Сейчас, как никогда, мне хотелось, чтобы он все знал. Но, к сожалению, его телефон был вне зоны действия сети.

Ничего не добившись, я вышла на улицу, где Лерой, заметив меня, подбежал и, резко обхватив руками, поднял и начал кружить вокруг себя. Что он делал? Зачем?

– Лерой, – попыталась обратить его внимание на себя. – Лерой, ты чего?

– Я так рад! Так рад! – улыбался мне парень, так и не выпуская из своих рук.

– Чему же ты так рад? – спросила его с улыбкой, иначе смотреть на его счастливое выражение лица просто не получалось.

– Ты сейчас мне скажешь пол своего малыша! И знаешь, что мы сделаем? – Он, наконец поставил меня на ноги, но все еще не отпускал, переместив свои ладони ко мне на плечи.

– Что мы сделаем? – с недоумением поинтересовалась у него.

– Поедем в лучший детский магазин и купим малышу его самую первую одежду. – Лерой не отводил от меня свой настолько лучезарный и живой взгляд, и отказаться я не смогла, хотя и не горела желанием куда-либо ехать.

– Почему мальчиков одевают в голубое? – перебирая в магазине один комплект одежды за другим, задала вопрос скорее самой себе, но Лерой услышал.

– Не знаю. – Он пожал он плечами и снял с вешалки еще один комплект, на сей раз бежевый с милыми медвежатами. – Может, чтобы окружающие сразу понимали, кто лежит в коляске – девочка или мальчик. Поначалу же все карапузы на одно лицо. Как тебе этот? Не голубой совсем!

– Все такое крохотное! – с умилением заметила я.

Пока я увлеченно перебирала детские наряды, Лерой время от времени, как будто с опаской, оглядывался по сторонам.

– Ты в последнее время странно себя ведешь. Что-то происходит? – решила спросить его напрямую.

– Тебе показалось, все хорошо! – поспешил успокоить меня Лерой и тепло улыбнулся. – Просто выполняю свою работу, не больше.

– Ты узнал, кто мне звонил?

– Да, это из клиники. Они звонили для подтверждения времени приема. Не переживай, – в очередной раз, глядя совершенно мимо меня, ответил Лерой. Но верить ему уже не хотелось.

– Пожалуйста, поехали домой. Я очень устала, – попросила его.

– Хорошо, поехали. Ты что-нибудь выбрала для малыша? – с какой-то неестественно приторной улыбкой спросил парень.

– Да, вот это. – Я протянула ему крохотное боди черного цвета, на котором белыми буквами была выведена фраза: «Il est beau, comme son père» (пер. с фр.: «Красивый, как папа»).

Улыбка мгновенно испарилась с лица Лероя, в очередной раз наталкивая меня на мысль, что быть просто друзьями у нас не получается.

– Ксю, Ксю, девочка моя! Не может быть! Это ты!? Я так рад тебя видеть! – Взъерошенный Реми уже несколько минут крепко обнимал меня на пороге своей съемной квартиры в Ле-Мане, искренне радуясь долгожданной встрече. Даже мое внезапное появление в его доме в начале седьмого утра никак не умаляло его восторга. – Нет, ты скажи, как этот душегуб тебя от себя отпустил? А?

– Он скоро придет, Реми. Как же я скучала по тебе! – отвечая на его радушные объятия, прошептала парню.

– То есть как – скоро? – Реми заглянул мне в глаза и удивился. – Он уже даже мне тебя не доверяет? Ксю, твой Лерой меня пугает.

– Это его работа, только и всего, – повторила я слова Лероя. Говорить Реми, что я сбежала от него, пока не стала: не хотелось портить момент нашей встречи.

Мы планировали поездку к Реми на выходных, но поведение Лероя в последние дни меня сильно беспокоило, и оставаться с ним и дальше наедине мне было все тревожнее. Наверно, поэтому посреди ночи я незаметно покинула квартиру и, добежав до ближайшего отеля, запрыгнула в дежурившее поблизости от него такси.

– Так, всё заходи! – Реми утянул меня к себе в квартиру и закрыл дверь. – Сейчас быстро придумаю что-нибудь на завтрак. Я сегодня на практику к трем, поэтому у нас с тобой уйма времени!

Квартира Реми сильно отличалась от той, где жила я: маленькая, скромная и очень просто обставленная, но сейчас она казалась мне самой уютной.

Мы прошли в небольшую комнату, соединенную округлым проемом с миниатюрной кухней, и сели на диван. В этот момент со стороны коридора раздался нежный девичий голосок:

– Remy, où es-tu, petit ours? Je m'ennuie. Retourne vite à ta chatte!

Что хотел этот милый голос от Реми, в такой час догадаться не составляло труда, а потому мое лицо залило пунцовой краской. Я настолько привыкла, что Реми всегда был только моим, что совершенно не подумала о том, что у него была своя личная жизнь.

– Il est temps pour mon chat de rentrer à la maison! – крикнул Реми девушке, а меня щелкнул по носу. – Ксю, ты так и не выучила французский, верно?

– Я лучше потом найду, или можем встретиться где-нибудь и пообедать вместе, – кивая, попыталась встать, чтобы поскорее сбежать и не мешать Реми, но тот меня остановил.

– Поверь, я даже не помню, как ее зовут. И, знаешь, совершенно не расстроюсь, если так и не вспомню. Подожди меня пять минут. Я ее провожу.

Реми ушел в дальнюю комнату, и оттуда мгновенно послышались голоса, а минуты через три в коридор выбежала миловидная брюнетка и, громко хлопнув дверью, оставила нас наедине.

– Пока я соображаю завтрак, расскажи мне, что произошло.– Реми как ни в чем не бывало проскользнул на кухню и заглянул в холодильник.

– Реми, черт, мне так неудобно! Я должна была позвонить... – не без сожаления начала я.

– Я не это имел в виду, – остановил меня Реми, а затем, оторвавшись от содержимого холодильника, внимательно посмотрел на меня. – Ни за что не поверю, что Лерой тебя отпустил одну в Ле-Ман, да еще ни свет ни заря!

– Я сбежала. Рядом с ним я задыхаюсь. Мне кажется, ты был прав: он ведет свою игру, умело манипулируя мною и моими решениями. Мне нужна перезагрузка, Реми. Поэтому я здесь.

Дверца холодильника хлопнула, а друг оказался рядом со мной.

– Что он сделал? – обеспокоенно спросил Реми.

– Ничего, – попыталась успокоить его. – Но мне надоело прятаться, понимаешь? Нет, я не планирую возвращаться, я все понимаю, что пока рано. Но я хочу без утаек говорить с Геной, иногда хотя бы видиться с мамой и сказать, наконец, Тимуру о сыне.

Реми подсел ближе и притянул меня в свои медвежьи объятия.

– Значит, я угадал? Будет мальчик? – ласково спросил меня, поглаживая по волосам. – Я так и знал. Позвони ему.

– Кому? Тимуру?

– Да. Ручаюсь, вам обоим есть о чем поговорить, – уверенно произнес Реми.

– Я бы поспорила с этим, но в любом случае его номер недоступен, я уже пыталась позвонить, – вздохнула я и положила голову на плечо Реми.

– Миронов тоже еще не знает про ребенка? А то он мог бы сказать Черниговскому, они же, вроде, неплохо общались в последнее время.

– Никто не знает: ни Мироновы, ни мама, ни Тимур. Да и вряд ли Гена после того, как Федор чуть не отправил его на тот свет, продолжил общение с Тимуром.

– Я тебе не говорил. Боялся, что даже слушать не захочешь... – как-то неуверенно начал Реми, как будто колебался, стоит продолжать или нет.

– Не говорил о чем? – решила развеять его сомнения и подтолкнуть к разговору.

– В день вылета я говорил с Тимуром. Твой отец тогда запретил пускать его к тебе в больницу, и он пришел ко мне. Ты как раз накануне позвонила и сказала, что поедешь со мной, помнишь?

– Можно подумать, Тимур пытался в эту самую больницу попасть! Да он даже не знал, что случилось, – с пренебрежением ответила Реми.

– Это он вызвал «скорую» в тот день. Ты не знала? – удивился он.

– При чем здесь Тимур? Это Лерой заставил Миронова обернуться, тем самым спас мне жизнь. Получается, он и вызвал «скорую».

– Господи, Ксюша, я был уверен, что хотя бы это ты знаешь! Кто тебе сказал про Лероя? Он сам? – Реми не на шутку разволновался.

– Нет, Горский.

– Так вот, Ксюша, Горский тебя обманул, уж не знаю, зачем. Может, Валеру своего хотел к тебе поближе придвинуть а может, просто боялся лишней раз напоминать тебе о Тимуре, – выдал Реми. – Только Горский узнал о случившемся гораздо позже, когда ты и Миронов уже были в больнице.

– Это тебе Тимур так рассказал? И ты ему поверил?

– Ксюша, я не мог ему не поверить. Он пришел ко мне, весь перепачканный кровью, с таким отчаянием в глазах, какого я еще ни разу не видел. Передо мной тогда стоял не Тимур

Черный, местный мажор и гроза города, а совершенно потерянный человек. И он пришел ко мне не хвастаться своими поступками, а просить. За тебя просить. Все, чего он хотел, это знать, как ты, поскольку в больнице ему отказали в любой информации, понимаешь?

– Нет. – Я мотала головой, судорожно хватая губами воздух. Я не понимала. Ничего не понимала. Сердце стучало невыносимо громко, тело сковало от потрясения и неспособности принять только что услышанное. – Почему ты раньше мне не сказал? Зачем тогда просил не оглядываться там, в аэропорту?

– Я был уверен, что ты знала. Черт, да кто бы мог подумать, что Горский тебя обманет?! Да и я хорош, признаю! Это же я Тимуру тогда сказал, что мы улетаем. Уверен был, что если он придет, то ты передумаешь и останешься с ним. Это перед самым вылетом ты мне позвонила и все рассказала про аукцион и ту блондинку. Я же до этого ничего не знал, думал, вы просто поссорились, с кем не бывает. – Реми встал с дивана и, схватившись за голову, стал ходить из стороны в сторону. – Ты стояла передо мной вся в синяках и ссадинах, с совершенно убитым взглядом. Разве я мог сделать тебе еще больнее, заставив посмотреть на него? Я хотел, чтобы ты все забыла. Хреновый из меня друг получился! Я ошибся.

Совершенно потерянная и сбита с толку откровением Реми, я неуклюже встала и подошла к другу.

– Ты самый лучший, Реми! Самый лучший! – Я крепко обхватила парня руками и прижалась к его груди. – Мы все ошиблись тогда. Все.

Реми сжал меня в объятиях, и от его тепла озноб, сковавший мое тело, стал медленно рассеиваться. В этот момент я была благодарна Богу, за такого друга, как Реми.

– Получается, я обязана ему жизнью. Мы обязаны, – прошептала еле слышно. – Тимур спас меня и нашего малыша. Я должна с ним поговорить, Реми! Иначе нельзя!

– Значит, если ты не можешь до него дозвониться, стоит ненадолго вернуться домой. Когда назначен суд над Черниговским?

– Гена говорил, что в двадцатых числах. Но отец настаивает, чтобы я осталась в Париже до февраля.

– Зачем? – удивился Реми.

– Не знаю, – пожалала плечами. Теперь я даже думать боялась о причинах его решения. – Говорит, ему так спокойнее.

– А тебе? – Реми заглянул мне в глаза, пробираясь своим взглядом гораздо глубже – в самую душу.

– У меня созрел план, – оживился Реми. – Я знаю, как вывезти тебя домой ближе к новогодним праздникам, минуя Горского. Но твой сегодняшний побег может сбить все карты. Подозрительный и злой Лерой может все испортить. Звони ему прямо сейчас и до двадцатого декабря сиди, как мышка. Он не должен ни о чем догадаться. Ни о чем! Договорились?

– Угу, а можно, пока я буду молить Лероя о пощаде, ты приготовишь мне свой фирменный бутерброд? – Пора было снижать градус напряжения, повисшего в этой маленькой квартирке.

Реми потрепал меня по голове и, чмокнув в затылок, отправился готовить бесподобный крок-мадам, а я набрала Лероя.

Меня спасло только то, что Лерой все еще спал. То, как он орал на меня в трубку, слышал даже Реми. Да уж, Валера в гневе был страшен и ужасен. Как же хорошо, что в эту минуту он был далеко от меня!

– Миронова я наберу сам. – Объяснив суть своего гениального плана, Реми давал мне последние наставления, прежде чем я села в машину к Лерою, прилетевшему за мной со скоростью света. – Нам понадобится его помощь. Сама же старайся ничем себя не выдавать. Лерой не должен ничего заподозрить. Побудь паинькой пару недель. Я все устрою сам.

9. Встреча. Тимур

Отель. Последний взгляд на ее пустые окна. Аэропорт. Высота. Родной город.

Я чувствовал себя так, будто меня раздавил каток – настолько погано и гадко было на душе. Полная апатия. На этот раз я больше ничего не крушил и не ломал. Просто пришёл домой и заснул. Вместо снов – сплошная чернота, моя верная спутница. Но всё же это лучше, чем снова видеть перед глазами ее лицо. Больше не хочу! Никогда!

– Черный, ты совсем пропал с радаров! Ну, чувак, так не пойдет! – звучал в трубке голос Артура. Я еще не до конца проснулся и не понимал, где я и который час, но слышал на заднем плане басы и девичий смех. Артур уже пришёл в клуб. Я обещал прийти, но со всем этим дерьмом совершенно забыл.

– Сейчас буду, – отрезал я и отключился.

Холодный душ, бутылка минералки, ключи от «ауди»... Я решил начать новую жизнь или вернуться к прежней – не важно. Главное – без нее.

«Розмарин» встретил меня клубами дыма, ударами басов по ушным перепонкам и темнотой. Как и всегда, здесь было многолюдно, но никого лишнего. Попасть сюда простому Васе за гранью возможного. Только мы – золотая молодежь этого города.

Меня узнавали. Кто-то кивал, кто-то спешил перекинуться парой слов, сучки строили глазки и пускали слюни. Все привычно, ничего нового. Хотя нет, я новый. Измененная версия самого себя, переломанная и изувеченная.

Дед оказался прав: я не умею прощать. Зато отлично умею ненавидеть. Решил лечить свою израненную душу лечить алкоголем и легкодоступными девочками, которые уже оккупировали наш столик, но пока наслаждались лишь обществом Артура.

– О, какие люди! – Длинноногая брюнетка оторвалась от друга и подбежала ко мне, чтобы запечатлеть невесомый поцелуй на щеке и повиснуть на моем плече. «Нет, детка. Брюнеток в моей жизни не было и не будет. Только высокие, худые, русые. И обязательно с огромными голубыми глазами. На них я буду вымещать свою месть и с ними забывать о дикой боли внутри. В каждой я буду видеть ее и каждую за это наказывать. Только так! Иначе не успокоюсь!» – решил я.

– Ты, – не замечая висящую на плече девушку, ткнул пальцем в другую – пошлую и развратную копию Ксюши. – Пойдешь ко мне?

Та радостно кивнула. Дешевая подделка. Брюнетка же надула губки и, виляя своей пятой точкой, вернулась к Артуру.

– Где пропал? Я уже переживал, что опять разминёмся, – выпивая, судя по его голосу, далеко не первый шот с какой-то дрянью, спросил Артур.

– Решал дела. – Я не стал вдаваться в подробности: кому они нужны?

Руки девушки уже всю скользя по моей груди, настолько пошло и откровенно, что тошнота к горлу подкатывала.

– Что по нашему вопросу? – Артур каким-то образом еще умудрялся думать о работе.

– Все на тебе останется, – не без сожаления ответил я другу.

– Дед все-таки прижал? На сколько уезжаешь? – Чувствовалось, что он расстроен.

Мы строили нашу фирму с нуля. Уехать сейчас значило потерять все. Я видел, что деду наплевать: для него это капля в море. Да и мне было все равно. Не было во мне ни азарта, ни рвения. Только одно желание: забыть.

– Контракт на три года, – ответил я. Нужно быть на всю голову больным, чтобы загнать себя в угол на целых три года, но я это сделал.

– Блядь, Тимур! – истерически заржал Артур.– Ты мудака! Я понимаю, у деда твоего крыша едет от старости. Как Кощей, над своим золотом чахнет. Но ты-то чем думал? Три года! Три года!

– Слушай, я все продумал, – не унимался он.– Даже если Ермолаев съедет с финансирования, мы не пропадем. Оборот пусть и небольшой, но уже стабильный. Тимур, шли его лесом. Три года!

Глядя в никуда, я покачал головой. Понимал, что здесь ничего не держит, а если деду так спокойнее, ну и хрен с ним! Не на Колыму же ссылают!

– Личные счета с Шефером, что ли? – Друг угрюмо посмотрел на меня, на что я опять помотал головой: до Шефера мне не было никакого дела.– Знаю я тебя, за эти годы ты мужика точно в гроб вгонишь! Блядь, о таком сыне, как ты, только и мечтать! Себя не жалеешь, на меня побоку, так хоть его пожалей. Не знает Шефер, с кем связался, ох, не знает!

– Хорош, Артур! Я свое слово дал. Маркус тоже не идиот. У него своя выгода. Знает, на что идет. Потерпит.

Артур залпом выпил очередной шот и так низко опустил голову облизывавшей его шею девушки, что последнюю не было видно из-за стола. Черт! Извращенец!

– Когда?– абсолютно трезвым и не затуманенным голосом спросил меня.

– За день-два до суда. Дед переживает, что котировки резко упадут. Поэтому идем на опережение.

– Блядь, Тимур! Я тебя готов убить! Ну как так! Ядрёна вошь! – Артур откинулся на спинку дивана и закрыл глаза руками. С минуту он так просидел, а потом резко наклонился ко мне.– А давай сегодня, как раньше, а? Только ты, я, девчонки и океан текилы. Я хочу запомнить своего друга. Через три года ты вернешься другим... если вообще вернешься.

Он был прав: я решил не возвращаться. Но ухожу в отрыв. Я хочу забыть. И у меня получается.

– Тимур, сегодня в семь вечера в «Арагоне» ужин с Шефером, – тоном, не терпящим возражений, объявил дед за завтраком.– Приведи себя в порядок.

Последние недели я жил у него, в этом чертовом мрачном доме. Мне всё ещё было невыносимо находиться в своей квартире. Но и здесь не становилось легче. Рядом с дедом я все четче ощущаю приближение дня Икс. Теперь я понимал, что погорячился: не хватит меня на три года. Не хватит.

– Ему не рожа моя нужна, а твои деньги,– ответил деду, на что тот резко встал и подошёл ко мне, напрочь забыв об остывающем в его тарелке омлете.

– Ты со мной так разговаривать не смей! – прошипел он.– Я тебе давал время все обдумать. Решение ты принял сам, значит, будь добр вести себя достойно.

– Есть, сэр! – с издевкой отрезал я, резко поднялся из-за стола и направился к выходу.– Весь вечер буду облизывать Шефера и все его семейство.

Пулей вылетел из дома, сел в «Ауди» и помчал в никуда, чтобы сполна прочувствовать последние дни свободы. В универе пока взял академ, хотя дед настаивал на переводе. На фирме все дела передал Артуру. С отцом тоже, вроде, всё было ясно: суд был назначен через четыре дня. Я знал, что сидеть, судя по всему, отец будет долго. Оставалось последнее дело, но как к нему подступиться, я не знал.

Показалась до боли знакомая высотка. Двор был украшен гирляндами и смешными снеговиками: ведь до Нового года оставалась всего неделю. В угрюмом доме деда я об этом совершенно забыл. Подъезд. Домофон.

– Кто? – Меня неожиданно услышал я мягкий женский голос, какой-то знакомый и родной. Бред! Наверно, жена Гены.

– Миронов дома? – спросил я, прокашлявшись.

– Нет, его нет. – Опять этот голос. Я молча ждал еще хоть слова. Но вместо этого вызов был сброшен. Черт!

Я до сих пор не узнал, кто стоит за гибелью Киры. Миронов был последней надеждой, но встретиться с ним у меня так и не хватило духу. Слабак!

Идя обратно к машине, я чувствовал, как спину пронзают иголки. Я ощущал на себе ее взгляд. Я не ошибся: голос принадлежал Ксюше. «Что ж, с тобой, девочка, я тоже с удовольствием попрощаюсь!» – решил я.

10. Искать

—Ты говорила с отцом? – как бы между прочим, спросил Лерой.

Было раннее утро, мы завтракали в столовой вдвоем за огромным столом.

Последние дни наедине с Лероем давались мне особенно тяжело. После моего побега в Ле-Ман он стал более подозрительным. Мы вновь вернулись в то время, когда днями могли не разговаривать друг с другом. Но если раньше не хотела говорить я, то сейчас чаще отмалчивался Лерой.

Он постоянно о чем-то размышлял, глядя на меня. Куда-то выходить в его компании мне совершенно расхотелось, поэтому большую часть дня я проводила либо на своем балконе, либо на террасе с противоположной стороны. Одевшись потеплее, я могла часами рассматривать сказочно оформленный к Рождеству город, который ближе к вечеру озарялся невообразимым количеством разноцветных огоньков. Волшебное время! Правда, в моей жизни чудес пока не было.

Надежда, поселившаяся во мне после разговора с Реми, таяла на глазах. Лерой и Горский обрубили все наши планы на корню, а строить из себя паиньку мне удавалось все сложнее.

– Да, – сухо ответила ему, помешивая какао.– Он звонил вчера вечером.

– И что решили? – будничным голосом спросил Лерой.

– Горский пока думает. Его бы воля, я сидела бы в четырех стенах всю жизнь.

– Знаю, – сухо подтвердил Лерой.– Но мне эта идея тоже не по душе.

– И чем она так плоха? С Реми на праздники вы меня не отпустили. Понятно, испугались, что он не потянет мою безопасность. Хотя, знаешь... – Тут я замолчала. Паинька! Я – паинька, а паиньки не спорят.– Не важно. Просто пойми, что я скучаю. Миронов для меня больше, чем друг. Он мой второй папа.

– И это я тоже знаю. Но почему бы ему не приехать к нам? Квартира огромная, город шикарный, и тебе не нужно было бы ничем рисковать.

– Чем рисковать? Лерой, вы так трясетесь надо мной, что тошно. Seriously, мне не двенадцать лет. Не надо за меня постоянно все решать.

– Не двенадцать... – задумчиво повторил Лерой.– Я постараюсь уговорить Николая отпустить тебя. Только пообещай, что я не пожалею об этом.

Я не могла поверить в слова Лероя, но он выглядел вполне серьезным.

– Все будет хорошо, не переживай! – улыбнулась ему, не сдерживая радостного волнения, но он продолжал задумчиво смотреть на меня, явно не разделяя моей радости.

– Я всего лишь поговорю с Горским. Ничего не обещаю. Ты же знаешь его. – Лерой неторопливо встал из-за стола и подошел ко мне. Встав скалой за моей спиной и опустив руки мне на плечи, он наклонился ко мне и глухо добавил: – Не обмани моего доверия, Ксюша. Я отвечаю за тебя головой.

От его близости и слов по коже стройными рядами пробежали мурашки. Он не просил, не предостерегал – Нет, он чувствовал, что я его обману.

– Гена, Гена, – я пробиравалась сквозь толпу в аэропорту Сочи к встречавшему меня Миронову. К моменту нашей встречи он уже несколько дней отдыхал в Красной Поляне со своей семьей.

– Ксюня, девочка моя! – Он шагал мне навстречу, раскрыв объятия.

С того страшного дня мы больше ни разу не виделись, и сейчас видеть его таким же большим, здоровым, а главное живым казалось непомерным счастьем.

– Я так скучала, Гена! – Обняла его крепко-крепко и не хотела отпускать.

– Ты одна?– оглядываясь по сторонам, спросил Миронов.

– Да, Лерой прилетит к выходным. Он остался в Москве. Решил воспользоваться случаем и навестить сестру, – с довольным видом объяснила Гена. На случай, если бы Лерой все же прилетел со мной, у нас был разработан запасной, но очень сложный и энергозатратный план. Поэтому тот факт, что я прилетела одна, решал все наши проблемы.

– Твоих рук дело? – с недоверием поинтересовался Миронов.

– А то! – с улыбкой до ушей согласилась я. – У меня талант убеждать.

– У тебя вылет через три часа, талантливая ты наша! Пойдем, успеем кофейку попить и немного поболтать. – Гена подхватил мой чемодан и, взяв меня за руку, повел в сторону одной известной кофейни.

– Ты изменилась. – Не прикоснувшись к своему напитку, Миронов уже несколько минут разглядывал меня. – Беременность тебе к лицу. Жаль, что Катерина пока не в курсе.

– Они не вернулись еще?

Как же сильно я скучала по маме!

– Соболев дома уже с месяц, а мама твоя, вроде, пока в Кисловодске. Но это я так думаю, Максим не афиширует. Сама знаешь, что Горский ее ищет, – вздохнул Миронов. Соболев обманул всех: под предлогом, что он занимался маминым лечением, он просто старательно прятал ее от отца.

– Думаю, уже нашел. – Слова вылетели быстрее, чем я успела подумать.

Настороженный взгляд Миронова тут же полоснул по мне.

– Не смотри на меня так, – сделав глоток сока, улыбнулась ему в ответ. – Он последний месяц сам на себя не похож. Рассеянный, мечтательный, вот меня даже отпустил.

– Ладно, – встрепенулся Гена. – Не нашего с тобой ума это дело. Лучше давай еще раз по всем пунктам пробежимся.

Несмотря на то, что большая часть сложностей была за спиной, впереди меня ждал еще один, третий на сегодня, перелет и возвращение в родной город. На то, чтобы найти Тимура и поговорить с ним, у меня было ровно три дня. Затем мне следовало вернуться в Сочи и с довольной рожицей встретить Лероя, чтобы тот ни о чем не догадался. Три дня. А я даже не знала, с чего начать. С Геной договорились, что жить эти дни я буду в их квартире. Софья Александровна еще перед отъездом подготовила для меня комнату и полный холодильник продуктов, а я пообещала поливать цветы и проводить Гришкину черепаху.

– Вот, держи ключи от квартиры. – До вылета оставались считанные минуты, и Гена спешил донести до меня максимум информации.

– Пожалуйста, не светись сильно и будь осторожна. Хоть Федор сейчас и безопасен, но все же... Лучше, как говорится, перестраховаться. И, да, Ксюнь: не забывай, что обратный рейс через три дня. Не подводи старика, ладно? – По всему было видно, что Миронов сильно переживал, а мне этого не хотелось. Он возился со мной с самого детства, хотя, по сути, я для него никто. Странная штука жизнь!

– Иди ко мне. – Миронов притянул меня к себе.

– Спасибо, Ген, – не сдержалась я и ударила в воспоминания о том страшном дне. – Спасибо тебе за все. За твою заботу и за возможность здесь сейчас стоять с тобой, говорить, дышать. Если бы не ты...

В горле стоял комок. Я миллион раз говорила все это ему по телефону, но вживую это давалось намного труднее.

– Ну, ты чего? – Миронов слегка отстранился от меня, но продолжал удерживать в своих сильных руках. – Ксюнь, мы же договаривались, что забудем о том дне раз и навсегда.

– Прости. – Шмыгая носом, я посмотрела ему в глаза. – Ты прости меня за все, что я тебе, бывало, говорила. Я так сильно тебя люблю!

– Так, все, хватит! – Миронов снова прижал меня к своей груди. – Иди уже, давай. Вот вернешься через три дня и будешь признаваться в любви, а сейчас просто будь осторожна!

До квартиры Мироновых я добралась лишь под утро. Три перелета за день окончательно лишили меня сил, и все, что я смогла, это наспех принять душ и лечь спать. Даже к Гришкиной Тортилле заглянуть совершенно забыла.

Меня разбудил звонок домофона. Босиком, в безразмерной футболке с какой-то надписью на французском, я нерешительно вышла в коридор, чтобы узнать, кто пришел.

– Кто?– спросила робко. Все же я была совершенно одна в чужой квартире.

– Миронов дома? – Его голос я готова была узнать из миллиона других. Так же не бывает. Так просто не могло быть! Пока я ломала голову, с чего начать поиски Тимура, он пришел ко мне – ну, пусть не ко мне, а к Миронову – сам!

– Нет, его нет, – машинально ответила я, а сама сунула ноги в первые попавшиеся тапочки и побежала на лоджию. Я должна была убедиться, что там, внизу, стоит Тимур, что мне не показалось.

Черная блестящая «Ауди» красовалась во дворе дома, полностью подтверждая мои догадки. Это был не сон. Тимур был здесь. На мгновение я пропала. Мне нужно было что-то сделать: бегом спуститься вниз, открыть окно и позвать его – да что угодно, лишь бы не дать ему уйти. Но я просто стояла. Замерев, я ждала, когда рядом с автомобилем покажется он сам. И он появился. Уверенной походкой он в один момент преодолел расстояние от подъезда до своей машины, а я все стояла и мысленно умоляла его обернуться. И он обернулся, безошибочно глядя в мое окно, как будто знал, что за ним наблюдают.

Его черты, его взгляд, его рисунок вдоль шеи – все, чего мне так не хватало последнее время. Господи, как же больно было сейчас смотреть на него и осознавать, что он больше не мой! Сердце пропустило удар, потом второй. Я практически насильно заставляла себя дышать.

«Он сейчас уедет! Сделай же что-нибудь!» – с неистовой силой орал мой внутренний голос.

Но я стояла. Смотрела в его глаза, как в черную беспросветную бездну, и не могла пошевелиться.

Он меня видел. Он на меня смотрел. И на его лице за эти несколько секунд промелькнула целая гамма эмоций – от шока до узнавания и презрения. Ничего не изменилось. Черниговский ненавидел меня. И то, как он, сплюнув, отвернулся и сел за руль, только подтверждало это. Он меня видел, но он уехал! Лерой был прав: Тимур никогда меня не любил. Это была игра. Только игра.

Черный автомобиль, взвизгнув шинами, сорвался с места и исчез. А я так и стояла, озябшая, у холодного окна и смотрела ему вслед.

Уже потом, согреваясь горячим чаем, я успокаивала себя тем, что и не рассчитывала на теплый прием с его стороны. Не за этим я приехала. Он уже давно вычеркнул меня из своей жизни. Просто это было нестерпимо больно осознавать и принимать.

– Я только сообщу о ребенке и поблагодарю за тот день, и все. Потом я уеду, – шагая из угла в угол, повторяла себе под нос. – Навсегда уеду.

С этими мыслями уже через час я тщетно пыталась попасть в его квартиру. Дома его не было. Более того, консьерж сказал, что Тимур давно там не появлялся.

Бесцельно бродя по знакомым улицам, я все думала и думала, где еще попытаться его найти, но в голову ничего не приходило. У нас не было общих друзей или знакомых, если не считать универа.

Но и там я мало к кому могла обратиться. Его телефонный номер все так же оставался вне зоны действия сети, а других я не знала.

Я ходила по замерзшему белоснежному городу и пыталась мысленно зацепиться хотя бы за что-то. Ледяной ветер щипал щеки, под ногами хрустел снег, прохожие, кутаясь в шарфы и пряча руки в карманы, спешили по своим делам. Я же просто медленно шла, не замечая ничего вокруг. Каждый декабрь, проведенный в Лондоне или Париже, я мечтала о

настоящей зиме, но сейчас, окунувшись в нее с головой, я проклинала ее за холод и невозможность найти Тимура.

Окончательно замерзнув, я решила зайти в первый попавшийся торговый центр, чтобы немного согреться и затем продолжить поиски. Предновогодняя суeta и давка, знакомые с детства музыкальные композиции, яркие огни витрин и сверкающие елки – все перемешалось в голове. На мгновение я просто остановилась и закрыла глаза.

– Раз, два, три, – мне необходимо было собраться с мыслями.– Четыре, пять, шесть...

Удар. Что-то или кто-то чуть не сбил меня с ног.

– Простите, – донесся снизу тонкий детский голосок.

Распахнув глаза, я увидела мальчишку лет пяти от силы в огромной маске железного человека, из-за которой, видимо, он и не заметил меня.

– Ничего страшного, не ушибся?– спросила его, а у самой в голове что-то щелкнуло.

– Стальной переулочек, пожалуйста. – Выбежав из торгового центра и поймав первое попавшееся такси, окрыленная надеждой, я отправилась на поиски «железного человека со Стального переулочка», как часто в шутку называл Тимур своего деда.

– Вы уверены? – переспросил таксист, когда мы подъехали по адресу.

Окраина города и всего пара зданий на всю улицу, вернее переулочек, и оба нежилые. Черт! Неужели опять мимо?

– Я вас, конечно, высажу, мне-то что, – начал таксист.– Вот только как вы потом отсюда выбираться будете?

И он был чертовски прав: мне и самой не хотелось выходить в этом безлюдном и странном месте.

– Наверно, я ошиблась.– Я уже хотела назвать новый адрес, но тут мимо нас пронеслась черная «Ауди». Это был знак. – Пожалуйста, следуйте за той машиной. Быстрее.

Таксист оказался парнем лихим, и черный автомобиль мы догнали весьма быстро, вот только при всем сходстве это была совершенно другая машина. Однако внутренний голос твердил, что я все делаю правильно.

Буквально метров через пятьсот автомобиль затормозил перед черным высоким и глухим забором, высотой явно превышающим человеческий рост.

– Тупик, – пробубнил водитель.

– Подождите меня, пожалуйста. – Я выскочила из такси и практически бегом добралась до черного автомобиля.

Только подойдя ближе, я заметила раздвижные ворота, которые сейчас медленно отъезжали в сторону, открывая вид на огромную заснеженную территорию и большой, какой-то серый и мрачный дом. Я перевела взгляд на «Ауди», но стекла автомобиля были наглухо затонированы, и в них я могла видеть лишь свое отражение.

Когда ворота полностью открылись, автомобиль тронулся с места и начал медленно заезжать на территорию дома, но буквально метров через пять остановился.

Я смотрела, как замороженная, на происходящее и не понимала, чего ждала. Чужой дом, чужая машина, чужие люди. Но я стояла и не могла оторвать глаз.

Я даже не сразу заметила, как медленно и совершенно бесшумно опустилось стекло на задней двери автомобиля.

– Неужели сама Ксения Горская решила заглянуть к старику в гости? – привлек мое внимание скрипучий голос.

Я не ошиблась. Седовласый пожилой мужчина, вальяжно развалившийся на кожаном сиденье автомобиля и сверливший меня пронзительным взглядом черных глаз, однозначно был дедушкой Тимура. Его глаза и горделивая осанка вкупе с манерой говорить не оставляли никаких сомнений: я пришла по адресу.

– Добрый день! Вы дедушка Тимура? – с улыбкой спросила его, на что старик просто кивнул, а я осмелилась подойти ближе.

– Вы не подскажите, где я могу его найти? Мне очень нужно с ним поговорить, – все так же улыбаясь, продолжила я.

– Ты опоздала, дитя! Я только что отвез его в аэропорт, он улетел, – ответил тот, лишь слегка наклонившись к окну.– Садись в салон, а то холодно.

Мигом с водительского места поднялся мужчина в черном костюме и, выйдя из салона, открыл мне дверь с противоположной от старика стороны. Я недоверчиво я последовала за ним и села рядом. Терпкий аромат сигар ударил в нос, и я слегка поморщилась, что не осталось незамеченным.

– Твой отец разве не курит? – спросил пожилой мужчина, а я, повернувшись к нему, наконец, смогла его рассмотреть как следует.

Поджарый, с острыми чертами лица и седыми волосами, он чинно сидел, опершись одной рукой на выдвинутый подлокотник, и изучал меня в ответ. Только сейчас я сообразила, что он меня узнал, но откуда? Я видела его впервые.

– Вы знакомы с моим отцом? – робко поинтересовалась у деда Тимура.

– О, да! – с какой-то кривой ухмылкой ответил тот. – но разве это привело тебя в мой дом?

Я покачала головой. Нет, конечно, нет. Дела Горского меня сейчас волновали в последнюю очередь.

– Вы сказали, Тимур улетел?

– Да, вот буквально только что, я как раз провожал его, – с грустью ответил тот.

– А куда? И когда он вернется? – не веря в происходящее, уточнила у старика.

– В Мюнхен, дорогая моя! В Мюнхен. Мы открываем новый офис. Тимур взял на себя все заботы. Мой золотой мальчик! Надеюсь, что хотя бы через пару месяцев он навестит своего старика, – сверкнув в очередной раз своей белоснежной улыбкой, ответил тот.

– Вы можете дать мне номер его телефона? – В голове не укладывалось, что я упустила возможность поговорить с Черниговским.

Старик покачал головой и, слегка склонившись ко мне, положил свою костлявую, но теплую ладонь на мою, озябшую.

– Ксюша, я не знаю, что произошло между вами. Это не мое дело. Но Тимур просил не говорить тебе ни его номер, ни его адрес. Понимаешь, он больше не хочет тебя видеть.

Его слова не стали для меня откровением, нет, но как же больно они царапнули по сердцу!

– Я знаю, – сдерживая рвущиеся на волю слезы, хрипло ответила старику. – Но я должна ему сообщить что-то очень важное. Пожалуйста!

– Я тебя понимаю, – поглаживая мою ладонь, проскрипел он.– Но Тимур даже слушать тебя не станет. Поверь, я очень хорошо знаю своего внука.

Отвернувшись к окну, я попыталась скрыть выступившие на глазах слезы и осознать услышанное.

– Что-то стряслось, раз ты так переживаешь?– участливо спросил старик.

– Я жду ребенка от вашего внука. Мне ничего от него не нужно. Я просто хотела, чтобы он знал, – все так же глядя на заснеженный двор, еле слышно произнесла я.

– Боже! – воскликнул старик. – Вот это новость!

Он убрал подлокотник и придвинулся ко мне ближе, положив руки на мои плечи.

– Как же так?! – искренне недоумевал старик. – Получается, я скоро стану прадедом? Вот это новости! Девочка моя, не переживай, я сам все расскажу этому оболтусу! Поверь, при первой же возможности все расскажу и заставлю его поговорить с тобой, даю слово!

Мне ничего не оставалось, как кивнуть старику в ответ и, выбравшись из его угловатых объятий, выйти из автомобиля, а затем неспешно вернуться к уставшему ожидать меня таксисту.

– Все хорошо? – скорее из вежливости поинтересовался тот и, получив мой неуверенный, но положительный ответ, тронулся с места, увозя меня в сторону дома.

11. Не обернусь. Тимур

120...140...160...

Я не чувствовал скорости и практически не видел дорогу. Ее серое промозглое полотно давно переплелось с белыми снеговыми подушками на обочине. Всё одно. Мне оставалось молить Бога, чтобы никто не выехал на встречу. Я боялся не за себя, а за того несчастного, что может пострадать по моей вине.

Я был так напряжен, что не могу разжать руки на руле или отпустить ногу с педали газа. Каждой клеточкой тела я до сих пор ощущал ее взгляд. Она вернулась. Приехала погостить или наскучила своему Амирову? Второй вариант был мне больше по душе. Нет, я не думал о том, чтобы подобрать её, а просто хотел, чтобы она страдала.

Я был разбит. Чувствовал себя и без того хреново. Свой приговор я уже подписал и знал, что обратного пути нет. Отсчет моей свободы шёл на часы. Не так, не с такими мыслями я хотел ею насытиться. Какого черта она вернулась именно сейчас?!

Мобильный на пассажирском сиденье то и дело вибрировал, приглашая хотя бы взглянуть на экран, но я не мог. Мне отчаянно хотелось одного: закрыть глаза и исчезнуть. Эта боль выворачивала меня наизнанку. Я кричал, орал во всю глотку. От этого дикого, первобытного вопля все вокруг содрогалось, но мне не становилось легче.

Остановившись на обочине, вывалился из салона на ледяной воздух. Я хватал его губами, как рыба, выброшенная на берег умирать. Я чувствовал, что задыхаюсь без нее, от невозможности вернуть ее, от ее предательства, от своей безрассудной зависимости от нее, уже граничащей с непреодолимой ненавистью!

«Стереть. Удалить. Переписать... Понимаю, так надо! – размышлял я. – Раздавить. Отомстить. Освободиться... Только так смогу идти вперед!»

И в то же время я чувствовал жгучее желание еще раз прикоснуться к ней, задержав дыхание, сохранить ее аромат внутри себя. В последний раз сказать, что люблю... и окончательно погибнуть.

– Ты опоздал, – сурово процедил дед, осматривая меня, как товар перед покупкой. – Я просил тебя, Тимур, выглядеть человеком! Не хватало еще, чтобы Шефер передумал!

– Я такой, какой есть, дед, – бесцветным голосом ответил ему. – Какой смысл притворяться?

– Ладно, спорить с тобой бесполезно, – кивнул дед. – Пойдем внутрь. И, пожалуйста, будь с ней понежнее! Не испугай ее, прошу!

Ресторан «Арагон» встретил нас пафосной атмосферой с запахом огромных денег. Там было совсем немного столиков, и те все были заняты мужиками-толстосумами, пытающимися пустить пыль в глаза юным нимфам, да разодетыми дамами с миллионами на шеях и их нелепыми спутниками. Сборище показушников. И я оказался в их числе.

Мы прошли к самому дальнему столу, стоявшему за извилистой колонной. Шефер был уже на месте. С виду нормальный мужик. Немец, бизнесмен, жена красавица, но по факту – больной ублюдок: здоровый человек ни за что не стал бы продавать свою дочь, тем более, зная меня.

– О, Юрий, Тимур! Рад встрече! – на ломаном русском поприветствовал нас Маркус Шефер. – Познакомьтесь: моя жена Анастасия и дочь Инга.

Я окинул мимолетным взглядом сидевших рядом с Маркусом женщин, и первое, что бросилось в глаза – брюнетки! Обе! Черноволосые и белокожие. Красивые и очень похожие друг на друга.

Анастасия тщательно сканировала меня своими сверкающими глазами, и по ее скривившимся губкам я понял: не о таком зяте она мечтала. Инга же сидела, опустив голову, и при-

кидывалась послушной девочкой, вот только поверить в это было сложно. Интересно, каким образом ее вынудили принять эти дикие условия?

– Тимур, садись рядом с Ингой. Вам не помешает узнать друг друга получше, – с улыбкой обратился ко мне Маркус. – Нам, конечно, стоило приехать раньше, но дела никак не отпустили.

Меня так и подмывало ответить, что ему стоило бы сделать, но ради деда я сдержался: ведь я ему обещал.

Одна часть наших активов из-за отца всё ещё была заморожена, другая резко упала в цене. Опасения деда вполне оправданы. Мы оказались в яме. И если меня это не заботило, то для деда было делом всей жизни. Он понимал, что ему самому просто не хватит сил для того, чтобы подняться на прежний уровень, а от меня помощи ждать бессмысленно. Я уже давно отказался развивать дело отца, и именно поэтому все бразды правления дед передал Шеферу, правда, с одной оговоркой: ровно до тех пор, пока я буду находиться в браке с дочерью Маркуса. Сошлись на цифре «три». Три года, по мнению Шефера, вполне достаточный срок для того, чтобы я навсегда прикипел к его дочери и подарил ему внуков. Дед же рассчитывал на то, что этого времени хватит, чтобы пробудить во мне желание взять управление компанией на себя. Я же просто хотел забыться.

– Папа много говорил о тебе, – томно проговорила сидевшая рядом Инга.

Я окинул её оценивающим взглядом: идеальные черты лица, гладкая кожа, безупречно уложенные волосы. Но, чем дольше я смотрел на нее, тем отчетливее осознавал, что совершаю ошибку. При всей своей красоте, ухоженности и утонченности она совершенно не трогала моего сердца. Этот контракт – ошибка! Наш брак – полный абсурд!

– Зачем это тебе? – спросил я, выделяя последнее слово и глядя на Ингу в упор. Дед с Маркусом были увлечены деловой беседой, а Анастасия вышла в дамскую комнату.

– Отец в любом случае выдаст меня по расчету – не за тебя, так за какого-нибудь старика, – ответила девчонка, как будто это было в порядке вещей.

– Я буду тебе изменять и вряд ли когда-нибудь полюблю, – честно, на берегу предупредил ее.

– Да как хочешь, мне все равно, – спокойно парировала она, даже не дрогнув.

Бесчувственная, безвольная, совершенно не уважающая себя кукла! И я рядом с ней чувствовал себя полным дураком!

Резко поднявшись из-за стола, я молча покинул ресторан. «Да, я невоспитанный подонок, но свои последние минуты свободы я хочу провести иначе!» –

– Тимур! – донёсся вслед разъяренный голос деда, но я сделал вид, что не слышу: ведь я все еще был свободен.

Огромными рыхлыми хлопьями снег медленно кружился и опускался на мои плечи, путался в волосах и таял, касаясь теплой кожи. Вокруг не было ни души, хотя время на часах едва перевалило за десять вечера. Битый час я смотрел на ее окна. Было темно, свет не горел, но я не уходил, понимая, что другой возможности у меня не будет, и что на следующий день весь город взорвется новостью о свадьбе сына нашумевшего депутата и дочери немецкого бизнесмена, и что я уеду отсюда навсегда.

Внезапно в тёмном окне загорелся слабый свет, пробуждая во мне надежду и дикое желание услышать еще хотя бы раз звук ее голоса.

Я бросился к подъезду и набрал заветные цифры. Гудок, второй, третий. Никто не ответил. Мне не могло показаться! Я видел свет! Отойдя от двери и взглянув наверх, я наткнулся взглядом на ее силуэт.

«Да простит меня Миронов, но пока мне кто-нибудь не откроет эту чертову дверь, я не уйду!» – решил я и снова позвонил. Гудок... Второй... И вдруг я услышал мелодию, сиг-

нализировавшую, что мне разрешили войти. Не замечая ступеней, взлетел на нужный этаж, поскольку у меня не хватило терпения дожидаться лифта.

На лестничной клетке было темно, и лишь слабая полоска света от приоткрытой двери в квартиру Миронова озаряла окружающее пространство. Я медленно подошёл ближе и, забывая дышать, полностью открыл металлическую дверь.

Ксюша стояла в двух шагах от меня – так близко, но в то же безумно далеко, босая, в какой-то нелепой безразмерной футболке. Она смотрела на меня своими огромными глазами цвета неба, а я впервые не знал, что сказать.

В квартире царили полумрак и тишина. и создавалось ощущение, что мы совсем одни.

– Привет, – первой решила заговорить Ксюша. – Тебе дедушка все рассказал, да?

Я кивнул, не отводя от нее глаз. Она была такая прозрачная, хрупкая, трепетная. Я видел, что Ксюша волнуется: она поджимала пальцы босых ног и теребила тонкими ладошками кончики своих волос. Смотрела на меня и как будто чего-то ждала. Я решительно шагнул вперед, хотел подойти ближе, но она робко отступила назад. Амиров. Конечно! Она же теперь с ним. Где он? В ее комнате?

– Гена дома? – спросил я, чтобы разрядить обстановку.

– Нет, – пробормотала она себе под нос, затем опустила глаза и добавила неуверенно: – Нет... он... там... они все... там... в Сочи...

– Амиров?

Она вопросительно взглянула на меня, всем своим видом показывая, что меня это не касается, ее жизнь меня больше не касается. Но все же ответила:

– В Москве. У него там дела.

Последняя надежда рухнула и разбилась у моих ног на миллионы осколков: они вместе у них все хорошо.

– А ты почему здесь? – спросил я: если все уехали, то что она делала одна в квартире Миронова?

– Я... – Она подняла свои бездонные глаза и, глядя мне прямо в душу, убила всего одной фразой: – Я к тебе приехала.

Я не нашёлся, что сказать, и просто приподнял бровь.

– Я... понимаешь... я. – Она хотела что-то объяснить, но от волнения не находила слов. – Я ошиблась. Я хотела извиниться.

И в этот момент во мне всё вскипело. «Она, блядь, ошиблась! Я – ее ошибка! Мои чувства – всего лишь недоразумение!» – с негодованием подумал я. В ярости сжимал и разжимал кулаки, чтобы усмирить свой гнев и не наделать глупостей.

– Ошиблась? – сквозь зубы прошипел я в ответ. Изю всех сил схватив себя за голову, спиной навалился на шкаф-купе и закрыл глаза. «Надо сосчитать до десяти и успокоиться, – сказал я себе. – Иначе, я за себя не ручаюсь!»

– Тимур, – услышал словно сквозь туман свое имя и ощутил её невесомое и робкое прикосновение к моей щеке. Меня словно ударило током! Это мимолётное прикосновение парализовало все остальные чувства и эмоции, и весь мир сосредоточился только на нём. – Я просто хотела сказать спасибо за то, что спас нас тогда, в «Шляпине». Я совсем недавно узнала.

Я не сразу сообразил, о чем она говорит, но резко накрыл ее руку своей и с силой вжал в себя. Мне было плевать на все! Я лишь хотел чувствовать ее рядом. Мне казалось, что иначе просто подохну. Рывком притянув Ксюшу к себе, быстро развернул её так, чтобы быть к ней максимально близко, чтобы больше она не смогла убежать.

Зарывшись руками в ее мягкие волосы, я прислонился своим лбом к ее лбу, чувствуя при этом, как участилось ее дыхание. Я понял, что ей не все равно! Вдыхая ее запах без остатка, понял, что без нее не смогу. «Что же мы наделали, что?!» – спрашивал я себя.

Она пыталась еще что-то сказать, но я ей не дал, впиваясь поцелуем в ее губы – нежные, мягкие и теплые, с силой, жадно, до боли! И она ответила на мой поцелуй так же безумно, на грани. Мы, как два оголодавших зверя, вгрызались друг в друга, не любя, не лаская, а пытаюсь насытиться вдоволь! В этот момент мы оба понимали, что нас больше нет.

Этот поцелуй не дарил мне наслаждение, он только больше разрушал меня, вороша в памяти то, что я пытался все это время похоронить в себе. Я понимал, что мне надо остановиться, развернуться и уйти. «Ведь ничего не изменить, слишком поздно: она ждет ребенка от Амирова, а у меня завтра свадьба», – думал я.

Отстранившись от Ксюши, я смотрел на ее мокрое от слез лицо. Ясно было, что она тоже все понимает! «Плачь, девочка, плачь! Ты сама все разрушила!» – мысленно говорил я ей.

Через силу сделал шаг назад, потом еще один, понимая, что должен уйти! Она словно почувствовала и судорожно покачала головой.

– Не уходи, – одними губами сквозь слезы прошептала Ксюша. А у меня от ее слов начала ехать крыша. Дикое желание вперемешку с удушливыми воспоминаниями – горячая смесь! – Нам надо поговорить.

«Поговорить? Где она, черт побери, была, когда нужно было говорить?! Когда я умолял меня выслушать?! Где?! Она поверила всем, кроме меня! Она с легкостью вычеркнула меня из своей новой жизни! О чем мне сейчас с ней говорить?!» – с негодованием думал я.

– Хочешь поговорить? – Я шагнул к ней.

– Да, – ответила она.

– Хочешь, чтобы я остался? – Я приблизился к ней ещё на шаг.

– Да, – вновь кивнула Ксюша.

– Любишь меня? – Сделав ещё один шаг, я коснулся ладонью ее лица, заставляя смотреть мне прямо в глаза.

– Люблю.

«Лжет, не отводя глаз! Так любит, что прыгнула в койку к Амирову и носит под сердцем его сына!» – мысленно кипел я.

– А я тебя не-на-ви-жу! – с яростью проскандировал в ответ и переместил ладони на ее тонкую шею, думая о том, что стоит лишь слегка надавить, и она хрустнет. – Ты мне противна!

В ее глазах вспыхнуло отчаяние и неприкрытая боль! «Так-то, девочка, не одна ты умеешь жалить! – мысленно обратился к ней я и чуть сильнее сжал руку на ее шее, впиваясь пальцами в тонкую кожу, чтобы наверняка оставить следы. – Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!»

Она еле слышно всхлипнула, пытаясь освободиться и, хватая ладошками мои руки и попыталась их убрать. Вот только силы были неравны.

– У меня завтра свадьба. Извини, не приглашаю: невеста ревнивая, бывших просила не приводить, – с желчью прошептал ей на ухо. Я почувствовал, как ее руки ослабевают и перестают бороться, а потом опускаются ниже, на живот, и понял, что она боится за него, боится меня.

– И до твоей беременности мне нет никакого дела, поняла? – Я нагло врал ей в глаза, но руки с шеи убрал и направился к выходу. На этом все. У самой двери обернулся и посмотрел на нее в последний раз, чтобы запомнить ее такой: сломленной, с заплаканными глазами и опухшими от моих поцелуев губами. Развернулся и вышел.

– Не стоило нас спасать! – донёсся до меня ее исступленный крик, но я решил больше не оборачиваться.

12. Виноват. Лерой

– Ты приехал, приехал! – воскликнула Ритка и с огромным животом наперевес поспешила ко мне утиной походкой. Следом за ней семенил Димка, ее муж.

– Тише, тише, не спеши! – пытался уговорить ее он, как будто до сих пор не понял, что просить мою сестру успокоиться бессмысленно.

– Милая моя, привет! – Я нежно обнял ее, стараясь не прижиматься сильно. – Когда уже я возьму на руки свою племяшку?

– Моя бы воля – сегодня в роддом уехала, но еще недели три точно ходить, – вздохнула Ритка. – Ты лучше скажи, какими судьбами тебя к нам занесло? Да еще так неожиданно...

– Я ненадолго. – Я пожал руку Диме, подоспевшему за сестрой. – Завтра утром уже улетаю.

– Ладно, пойдем в дом, там все и расскажешь. – Ритка взяла меня за руку, как в детстве, и повела за собой по расчищенной от снега дорожке в сторону небольшого коттеджа, который они с Димкой в этом году все же достроили.

– Ну что ты меня глазами своими сверлишь?! – возмущалась сестра, когда мы сидели на кухне и согревались горячим чаем. Я уже и забыл, какими холодными могут быть зимы в России. – Все у меня хорошо, говорю же! А то, что набрала немного лишнего, так это не беда. Вот Уляша родится, и начну худеть. Лерунь, правда, нет повода для волнения!

Рита, пожалуй, была единственным человеком, если не считать покойной матери, которой я разрешал называть себя этим противным именем «Лера».

– Я просто соскучился, – отозвался в ответ, чтобы она не переживала лишний раз. – Ты у меня красавица, Ритка! А с животом особенно.

– Ну, скажешь тоже! Это только в глянцевах журналах да по телевизору беременные все красивые да шустрые. А на деле? – Она скорчила забавную рожицу и продолжила: – Тут болит, там колет. Ботинки самостоятельно не надеть, на животе не повалиться. Это я молчу о том, что есть постоянно хочется. Вон, Димка, уже замучился мне готовить. Ощущаю себя не женщиной, а цистерной неповоротливой.

Заботливый Димка, а для окружающих вполне себе Дмитрий Олегович, подошел к сестре и ласково обнял за плечи.

– Ты у меня лучше всех, Ритусик, – чмокнул жену в затылок. – Валера прав: ты красавица, и внутри тебя еще одна красавица. И обе мои.

– Ага, это ты так ласково намекнул, что я не цистерна, а бесформенная матрешка? – в шутку рассердилась на мужа Ритка, а мне оставалось лишь сидеть и улыбаться.

В свои двадцать восемь я тоже мечтал о семье, о детях, вот только все никак не складывалось. С юности работал на Горского. Ни образования нормального не было, ни профессии. Что я умел? Находить, запугивать, калечить... Да и из женщин рядом были одни шалавы – так, на одну ночь. Семью с такими не построишь.

Это потом, с годами все устаканилось. Горский меня многому научил, помог открыть свою фирму, да и времена другие настали: физической силой уже мало что решалось. Дом построил, сестру поднял, а сам так и остался не у дел. Пока этим летом вновь не увидел Ксюшу. Из тощей нескладной девчонки она превратилась в хрупкую и изящную девушку, от которой я был не в силах отвести взгляд.

Кому, как не мне, Коля мог бы доверить безопасность своей единственной дочери, когда дуреха без ведома решила вернуться домой? Я наблюдал за ней издали, как стояла потерянно в аэропорту, как ходила первые дни по городу и разглядывала его огромными кукольными глазами, как ездила в институт и варила кофе в «Кофеине». Я всегда был рядом, но она никогда не видела меня.

Зато успела заметить Черниговского. С его дедом у меня были отдельные счета. Это ему в далекие времена отец задолжал денег. Это он стоял за похищением Ритки. Это из-за него мы так и не успели собрать деньги на операцию матери. И если бы Горский не просил меня не трогать Ермолая и Тимура, то я давно бы расквитался теперь уже с обоими.

Коля же, в свою очередь, внимательно наблюдал за мной и все подмечал: как я смотрел на Ксюшу, как говорил о ней, как с пеной у рта искал ее, когда та сбежала от Соболева, как ненавидел Черниговского. Он понял все сам и не стал возражать. Более того, он решил помочь.

Поэтому, когда он предложил затею с аукционом, я не просто согласился, а еще и доработал его план до нужной кондиции. Даже Горскому было не по себе от его воплощения, но главное – мы достигли цели: они расстались.

Но стало ли мне легче? Нет. Я смотрел на ее страдания и ничем не мог помочь. Пытался ее отвлечь, но видел в ее глазах лишь боль и отчаяние. И в эти моменты я хотел задушить самого себя. Я был источником ее бед. По моей вине она была несчастна. Наверное, именно тогда я понял, что опоздал: Ксюша любила этого разукрашенного урода по-настоящему. И это стало идеальным наказанием для меня за все.

– Внимание! Внимание! Амирова Валерия вызывает планета Земля. Повторяю! – Задорный Риткин голос выдернул меня из воспоминаний. – Валер, ну ты чего? Уснул, что ли?

Глядя на возмущенную и надутую мордашку сестры, я не смог сдержать улыбки.

– Извини, Ритусь, задумался.

– Да поняла я уже! Даже спрашивать не буду, о ком ты там мечтал. Но, Валер, может, удержишься на пару дней, а? Обязательно завтра уезжать?

– Да, Ритуль, обязательно. Если все нормально будет, на обратном пути еще заеду.

Абсолютно все, даже Горский, были уверены, что ближайшие дня три-четыре я проведу с сестрой. Ксюша умудрилась промыть мозги и ему: мне дали отпуск, а заботу о ее безопасности временно переложили на Миронова.

Но я чувствовал, что происходит что-то неладное: слишком тиха была Ксюша в последние дни, слишком масляно говорила с отцом, слишком вовремя решил уехать в Сочи Миронов, который совсем недавно встал на ноги. А началось все с того немого звонка.

То, что звонили из соседнего отеля, я узнал практически сразу, как и то, кто звонил. Черниговский. Каким-то образом ему все же удалось выбраться из страны и найти нас. Но его поведение казалось мне очень странным. Он не пытался поговорить с Ксюшей или приблизиться к ней. Нет, он просто наблюдал. Издалека. С непробиваемым выражением лица. А потом уехал так же резко, как и появился.

Может, я тогда и переиграл, черт его знает, но просто так отдавать свою девочку ему я не собирался.

Домой я попал ближе к обеду следующего дня. В том, что Ксюша тоже была в городе, я не сомневался. Еще после ее нелепого побега в Ле-Манн я установил в ее телефон GPS-маячок, о чем, судя по всему, она так и не узнала. Зато я знал я, где ее искать.

Красная точка на экране смартфона уже несколько часов мигала в одном и том же месте. Ксюша была у Миронова, и я был спокоен.

Я отлично понимал, зачем она убежала от меня и вернулась домой, и как бы я ни хотел, чтобы Черниговский никогда не узнал о ребенке, всегда осознавал, что шила в мешке не утаишь. Но тот факт, что сейчас она была не у него, оставлял мне надежду, что она вернется ко мне.

Мне хотелось сорваться и поехать к ней. чтобы отругать за то, что в очередной раз сбежала, узнать, все ли с ней хорошо, просто увидеть. Но я держал себя в руках. Ксюша хотела свободы и самостоятельных взрослых решений! Пусть так! А я ... я просто, как и всегда, буду рядом.

Огромный пустой дом... После того как Ритка умчалась к своему мужу, он стал тихим и слишком большим для меня одного. Я сидел на кухне и вспоминал тот день, когда впервые привез сюда Ксюшу: как она босиком спускалась по массивной лестнице, как пила кофе из той самой чашки, что сейчас держал в руках я, как улыбалась мне, несмотря на всю боль, которую испытывала по моей вине.

За окном начинало светать, а я так и не ложился. Смотрел на мигающую точку и теребил в руках ее чашку с давно остывшим чаем. Я был не прав. Во всем.

Сейчас, как никогда, чувство вины перед этой светлой и хрупкой девочкой съедало меня изнутри.

Наспех накинув куртку и схватив ключи от машины, я выбежал из дома, чтобы просто извиниться перед ней...

13. Потерял. Лерой

– Нужен ее медицинский полис и паспорт. Сможете привезти? Постарайтесь до двенадцати в приемный покой передать.– Молоденькая медсестра тонким голоском пыталась мне что-то объяснить, но шум в ушах мешал сосредоточиться. Запах больничных стен и удушающая атмосфера местной клиники нисколько не помогли уловить суть ее просьбы.

– Хорошо, – кивнул я скорее по привычке.– Можно к ней?

– Нет, я же вам уже раз сто объяснила,– более чем равнодушно ответила девчонка, отходя от меня и усаживаясь за небольшой столик, освещенный доисторической настольной лампой и заваленный кипой бумаг. – Вот документы привезете, мы ее оформим, и врач к вам выйдет.

Мой кулак с глухим звуком врезался в бетонную стену, а глаза налились яростью, которая уже битый час искала выход. Ровно столько времени прошло с того момента, как бригада «скорой помощи» передала Ксюшу в отделение гинекологии, а я так до сих пор ничего не узнал.

– Врача быстро сюда зови! – не сдержавшись, заорал я. – Иначе я вашу богадельню с землей сровняю!

Наверно, девчонка уже привыкла к настолько буйному проявлению эмоций со стороны родственников пациенток, а потому практически никак не отреагировала на меня. Лишь на долю секунды она оторвалась от своих бумажек и бросила на меня предупреждающий взгляд.

– Пожалуйста! – схватившись за голову, уже совсем тихо, с мольбой в голосе попросил я.– Там моя любимая женщина и мой сын. Там вся моя жизнь... Понимаете? Я просто хочу знать, что она не закончена.

– Врач на операции, молодой человек, – с долей сожаления ответила та.– Как освободится, я его позову. Подождите еще немного. А лучше привезите ее документы.

Я нашел Ксюшу, лежащей на полу в прихожей в квартире Миронова. Растрепанная, зареванная, с голыми ледяными руками и ногами, она свернулась калачиком прямо возле открытой входной двери и тихонько стонала. Склонившись возле нее, я обхватил ее лицо руками и, убирая прилипшие к нему пряди волос, заставил открыть глаза и посмотреть на меня.

– Ксюша, девочка моя, что произошло?! Как ты?! – как в бреду, повторял я одно и то же, но она молчала и лишь смотрела на меня безразличным, потухшим взглядом.

Скинув с себя куртку, я поспешил укрыть ее, а затем взял девчонку на руки и понес в первую попавшуюся комнату. Такая легкая, напроць замерзшая и совершенно обессиленная, она абсолютно не сопротивлялась, наоборот, прижалась холодной щекой к футболке на моей груди.

– Мне больно, – пересохшими губами прошептала Ксюша, а я растерялся. Черт! Я – человек, видевший, казалось бы, всю жестокость этого мира, не раз вытаскивающий с того света своих парней по долгу службы, не знал, что делать с простой девчонкой!

– Где болит? – спросил я, осматривая ее с ног до головы.

Она попыталась ответить, но вместо слов из ее глаз ручейками побежали слезы. Положив ее на ближайший диван, я несколько раз провел ладонью по ее щеке и только сейчас заметил красные пятна, которыми была покрыта вся шея Ксюши. И в этот момент мне действительно стало страшно. Кто мог сотворить подобное с ней и зачем?!

– Я вызову «скорую», – стараясь не выдавать своего волнения, сообщил ей. Но Ксюша так ничего и не ответила.

– Вы Миронову привезли? – раздался за спиной чей-то баритон.

Обернувшись, увидел пожилого мужчину в белом халате и с уставшим выражением лица.

– Давайте пройдем в ординаторскую, – вежливо предложил он, а у меня все внутри обрвалось. С Ксюшей же все хорошо, верно?

Я шагал за ним до кабинета, как на эшафот, до последнего надеясь на чудо.

– Мариночка сказала, вы чуть не разнесли наше отделение. – Мы вошли в кабинет, где возле окна стоял стол с парой стульев, а в углу – повидавший виды диван. – Нервы, молодой человек, еще никому в этой жизни не помогли, а вот здравый смысл...

– Она жива? С ребенком что? – прервал я на полуслове рассуждения доктора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.